

Николай Вельяминов

**Воспоминания об Императоре
Александре III**

Николай Александрович Вельяминов

Воспоминания об

Императоре Александре III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21567653

Аннотация

«Как хирург, практиковавший в течение 40 лет, как профессор и администратор в течение 1/4 века занимавший некоторые высшие врачебно-административные должности, как один из врачей Царской Семьи и как участник 3-х кампаний, я встречал и знал в жизни очень много русских людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических убеждений, сам всегда стоя вдали от политики. Мимо меня прошли, как в кинематографе, масса русских деятелей разных «рангов» и немало крупных эпизодов из жизни России за эти 40 лет. Я никогда не вел дневника, никогда не располагая нужным для этого временем, но иногда записывал под свежим впечатлением некоторые интересные разговоры и не лишённые исторического значения эпизоды. Теперь, пользуясь этими материалами, оставшимися у меня документами, письмами и своей памятью, я попытаюсь изложить в нижеследующих строках мои воспоминания в виде отдельных отрывков или очерков, в надежде, что воспоминания эти окажутся не лишёнными некоторого интереса для более широкого круга читателей, но

попрошу смотреть на эти очерки не как на законченные картины и портреты, а лишь как на отрывочные эскизы или наброски, могущие только послужить сырым материалом для более опытных и компетентных бытописателей и историографов...»

Содержание

Предисловие	5
Мои воспоминания об Императоре Александре III, его болезни и кончине	7
I. Врачи в царствование Императора Александра III	9
II. Первые мои встречи с Государем	18
III. Смерть генерала Грессера	29
IV. Мое назначение для сопровождения Государя на маневры в Польшу и на охоты в Спале	34
V. На маневрах под Ивангородом	42
VI. Охоты и жизнь в Спале	49
VII. Гатчина	75
VIII. Первая болезнь Государя	80
IX. Перемены в моем служебном положении	95
X. Командировка в Киев. Начало болезни государя	103
XI. В Ливадии	112
XII. Последние минуты	147

Николай Вельяминов

Воспоминания об Императоре Александре III

Предисловие

Как хирург, практиковавший в течение 40 лет, как профессор и администратор в течение 1/4 века занимавший некоторые высшие врачебно-административные должности, как один из врачей Царской Семьи и как участник 3-х кампаний, я встречал и знал в жизни очень много русских людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических убеждений, сам всегда стоя вдали от политики. Мимо меня прошли, как в кинематографе, масса русских деятелей разных «рангов» и немало крупных эпизодов из жизни России за эти 40 лет. Я никогда не вел дневника, никогда не располагая нужным для этого временем, но иногда записывал под свежим впечатлением некоторые интересные разговоры и не лишённые исторического значения эпизоды. Теперь, пользуясь этими материалами, оставшимися у меня документами, письмами и своей памятью, я попытаюсь изложить в нижеследующих строках мои воспоминания в виде отдельных отрывков или очерков, в надежде,

что воспоминания эти окажутся не лишенными некоторого интереса для более широкого круга читателей, но попрошу смотреть на эти очерки не как на законченные картины и портреты, а лишь как на отрывочные эскизы или наброски, могущие только послужить сырым материалом для более опытных и компетентных бытописателей и историографов.

Н. Вельяминов

Петроград

Март 1919 г.

Мои воспоминания об Императоре Александре III, его болезни и кончине

Приступая к изложению своих воспоминаний об Императоре Александре III, я долго колебался – предлагать ли их вниманию читателя, вполне сознавая их громадные недочеты, но с другой стороны, я теперь убедился более, чем когда-либо, что представления об этом монархе-миролюбце, так долго сдерживавшем мир от кровопролития, очень неверны и несправедливы – широкая публика Его мало знала и знает. Он был популярен среди народных масс, которым Он импонировал всей Своей чисто русской физической и нравственной фигурой, фигурой мощного русского богатыря, но Его не знала интеллигенция, которая, как теперь оказалось, так-же, как иностранка Императрица Александра Федоровна, не знала и не понимала России. Может быть теперь, после революции, история Его царствования и Он сам в глазах уравновешенных людей подвергнутся коренной переоценке. Об Александре III людьми не предубежденными и объективными пока написано очень мало, меньше, чем о Его несчастном сыне. Вот почему я теперь решаюсь выпустить эти «мемуары», как бы дефективны они ни были. Во время царствования Александра III я был молодым, скром-

ным врачом, начинающим свою карьеру, которой Он в значительной мере способствовал; тогда я был предан исключительно своей науке, своему делу, стоял очень далеко от политики и государственных дел, интересоваться которыми у меня, к сожалению, не было времени, поэтому от меня нельзя и ожидать даже попыток начертать здесь что-либо, похожее на биографию Государя или историю Его Царствования, но я был близок к Государю, как врач, – видел Его в семейной жизни, в часы Его досуга, ходил за Ним, как за больным и, наконец, присутствовал при Его кончине – момент, в который так сказывается весь человек, кто бы он ни был, когда так вырисовываются характер и мировоззрение человека, особенно монарха-самодержца, принужденного уметь даже умирать на людях, оставаясь монархом. Поэтому я могу передать здесь лишь некоторые отдельные черты Его характера, Его личности; думаю, что внимательный читатель сумеет в этих штрихах, как бы мелки они ни были, почерпнуть материал для воспроизведения представления об исторической личности, 13 лет влиявшей на судьбы всей Европы, может быть – на историю всего мира.

Очень жалею, что в этих моих заметках слишком много личного, но избежать этого недостатка «мемуаров» я на этот раз не мог, потому что они основаны почти целиком на личных отношениях с Государем и, главным образом, на моей личной службе Ему.

I. Врачи в царствование Императора Александра III

Медицина и врачи при Государе Александре III не были в «фаворе», и в этом, как мне кажется, последние были сами виноваты.

Государь, будучи, как Он думал, всегда здоров, не нуждался во врачебной помощи, не любил лечиться, не особенно верил в могущество врачебной науки и считал медицину «бабьим делом» – уделом спальни и детской, предоставляя все, касавшееся медицины, главным образом, Императрице. Государыня тоже не очень жаловала врачей и предпочитала по возможности обходиться домашними средствами и советами опытной английской «nurse»¹, бывшей при детях и, как все англичанки этого типа, располагавшей целой коллекцией патентованных средств и своим «опытом». Для маленьких «бобо» имелся под рукой лекарский помощник или попросту – фельдшер, сначала некий Чекувер, убитый при катастрофе 17 октября, потом – Поляков. Эти лекарские помощники, хотя и состояли в классных чинах, как камердинеры и камер-фурьеры, все-же находились на положении старшей прислуги и были очень удобны в домашнем обиходе, если у кого-нибудь были царапина, насморк, флюс и т. п.

¹ медсестра, няня (англ.).

Со времен Александра II, пожалуй, и Николая I, в петербургском врачебном мире образовались две совершенно определенные партии – русская и немецкая; к последней примыкали евреи, явные и скрытые, отчасти и поляки. Во главе русской партии стоял знаменитый проф. С. П. Боткин, во главе немецкой – проф. Э. Э. Эйхвальд и К. А. Раухфус, креатуры Вел. Кн. Елены Павловны. Эти две партии были в непримиримой вражде между собой, и эта борьба и интриги между ними внушали в то время мало симпатий к столичному врачебному миру вообще – трудно было питать искреннее уважение к людям науки, которые постоянно «грызлись» друг с другом и больше занимались своей пресловутой средневековой врачебной этикой и своими партийными счетами, чем интересами своих больных.

По традициям из глубокой старины при Дворе премиривала немецкая партия, с упорством защищавшая свои позиции против русских. Государь и Императрица не особенно долюбливали немцев вообще, а следовательно и немцев-врачей, а из русских врачей, кроме Боткина, никого не знали, да к тому-же русские врачи тогда вербовались преимущественно из семинаристов и детей разночинцев и по своему воспитанию мало подходили к требованиям придворных сфер.

Пословица говорит: «каков поп, таков приход», а эта пословица особенно применима в отношении высших слоев общества и Двора, где всегда старались воспринимать тон, даваемый Двором, поэтому и русская аристократия также

относилась к врачам, как и Царская Чета.

Врачом Государя и Его Семьи официально состоял Лейб-хирург Густав Иванович Гирш, единственный врач, состоявший одновременно при Императорской Главной Квартире, т. е. в военной свите Государя. Из врачей, призывавшихся ко Двору в качестве консультантов наиболее близкими к Царской Семье были: А. Я. Крассовский – акушер Императрицы, и К. А. Раухфус – врач августейших детей. Консультантами по внутренним болезням были уже состарившийся академик Н. Ф. Зускауер, носивший звание лейб-медика-консультанта, и проф. С. П. Боткин; по глазным болезням – Кобат и Н. И. Тихомиров, по ушным – Вреден, потом проф. Н. П. Симановский. Хирургами считались Г. И. Гирш и А. Л. Обермиллер – медицинский инспектор Министерства.

Двора, но в сущности ни тот, ни другой хирургами не были и, как таковые, никаким авторитетом не пользовались.

Все вышеназванные врачи, носившие придворное звание, получили таковое, кроме Тихомирова, еще при Александре II, а Зускауер – еще при Николае I, и носили Их вензеля. Государь Александр III был вообще очень скуп на пожалование Своих вензелей и придворных званий и при Нем лейб-медиков, носивших Его вензеля, т. е. Им в это звание пожалованных, было всего 4 врача: проф. Н. А. Круглевский, случайно присутствовавший при смерти раненого Императора Александра II и потом никогда при Дворе не бывавший, Н. И. Тихомиров – окулист Императрицы, И. П. Коровин –

врач детей Александра II от морганатического брака Его с кн. Долгоруковой, и я. Все мы носили звание почетных лейб-медиков; в звание действительных лейб-медиков при Государе Александре III никто пожалован не был.

Г. И. Гирш происходил из эстонской крестьянской семьи, был племянником Кареля, лейб-медика Александра II, и по протекции дяди своего был назначен врачом к Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу, при котором и состоял до Его смерти, дослужившись при Николае до чина действительного тайного советника и Александровского кавалера. По своему воспитанию Гирш был полунемец и даже с акцентом говорил по-русски, а писал по-русски с трудом; Императрица, несмотря на Свою нелюбовь ко всему немецкому, говорила с Гиршем всегда по-немецки. Гирш считал себя хирургом, но навряд ли в жизни сделал какую-либо операцию, кроме ампутации, а о современной хирургии не имел никакого понятия. Как терапевт, он был довольно знающ, но в Царской Семье никогда никого не лечил – при легких заболеваниях обходились англичанкой и лекарским помощником, а в более серьезных случаях звали консультанта. Когда кого-либо приглашали за его спиной, он являлся сам и говорил всем, что этого консультанта пригласил он. Про него в шутку говорили, что когда кто-либо заболел, он первый говорил, что надо позвать доктора.

В Царской Семье Гирша очень любили, как человека очень доброго, покладистого, хорошего и терпеливого, но,

как с врачом, с ним никто не считался; на него смотрели, как на старого, преданного слугу, больше – как на старую удобную мебель, к которой привыкли. Он был удобен потому, что никогда не обижался и с консультантами всегда соглашался. Припоминаю, как раз, уже при Николае II, Императрица-мать сильно ушибла себе ногу; приехав я застал у нее Гирша, который осматривал ногу и при мне сказал Императрице, что нужно положить на 2–3 недели гипсовую повязку и потом массировать. Не желая вступать с ним в спор, я засучил рукава и начал массировать, доложив, что в таких случаях мы теперь гипсовой повязки не употребляем. Гирш объявил тут-же Императрице, что ему особенно приятно, что мы с ним совершенно одинакового мнения. Когда Императрица стала быстро поправляться, Гирш при мне говорил Ей, что улучшение наступило так быстро потому, что не была применена гипсовая повязка.

До 1892 г. из всех лейб-медиков в интимную жизнь Царской Семьи допускался только один Гирш и он был, таким образом, единственным врачом близким к Государю, но, как видно, являлся очень слабым представителем врачебного мира при дворе, не имея никакого престижа, чтобы защищать интересы врачей пред Государем и сколько-нибудь влиять на роль и значение государственной и общественной медицины в России.

Для лечения собственно ко Двору приглашались С. П. Боткин, Н. И. Тихомиров и К. А. Раухфус. Осталь-

ные лейб-медики, из коих наибольшим почетом и уважением пользовались Крассовский и Зускауер, по возрасту и отсталости уже сходили со сцены.

С. П. Боткин, очень почитаемый Государем и всей Императорской Фамилией, бывший очень близким к Александру II и Императрице Марии Александровне, от двора Александра III держался вдали и появлялся только, когда его звали. Государь видимо очень уважал Боткина, как врача и ученого, но навряд-ли симпатизировал ему, как человеку, потому что он почему-то «считался» «левым», вероятно вследствие направления его жены. Во всяком случае Боткин был от Двора далек, считался ученым, но, я думаю, скучным и слишком «большим», ареной-же Раухфуса служили детская, где он, по привычке забавлять своих маленьких пациентов, держал себя полу-шутком, и через Гирша старался интриговать против русской партии.

Из крупнейших врачей-администраторов того времени, которых Государь мог знать, хотя и мало, можно назвать: Главного Военно-Медицинского Инспектора А. Л. Реммерта, Главн. Мед. инспектора флота В. С. Кудрина, Директора Мед. Департамента Мин. Вн. Д. Н. Е. Мамонова, но все это были «тайные советники», бюрократы, «генералы от медицины», но не ученые и не врачи, очень далеко стоявшие от Двора.

Из военных врачей, известных Государю по Красносельскому лагерю, следует упомянуть о Петерб. Округ. в. м. ин-

спекторе Ф. С. Энкгофе и о корпусном враче гвардейского корпуса К. Г. Фовелине. Первый был добрейший человек, большой охотник, знаток лошадей, коими он торговал, но представлявший собою в медицинском отношении пустое место; последний был алкоголик и посмешище всей гвардии.

Академию Государь не долюбивал за ее революционный дух и считал ее гнездом нигилизма. Как-то Государь с негодованием рассказывал мне, как при посещении Им Академии В. В. Пашутин пригласил Его и Императрицу в аудиторию Славянского, чтобы ею хвастнуть; когда Они вошли, то на стене оказалась громадная таблица с изображением органов женщины, для не врача очень «неприличной». – «Я понимаю, говорил мне Государь, что такие таблицы нужны для лекций, но зачем-же их вешать на стене вне лекционного времени, да еще приглашать Императрицу при студентах, когда это совершенно было не нужно и не интересно».

При посещении Государем больниц, врачи, не привыкшие держать себя с Высочайшими Особами, терялись, не всегда сохраняя свое достоинство, а потому делали промахи, которые объясняли и невоспитанностью и над которыми смеялись. Так, я помню рассказ Императрицы, как д-р Мориц, при неожиданном приезде Государя в Женскую Обуховскую больницу, прибежал испуганный в палату и в попыхах или с «конфуза» первый подал руку Государю и любезно ее потряс, как старый приятель, как проф. Ратимов демонстрировал Государю на блюде «противный» препарат вырезанного

им рака желудка, на которого Государь смотрел с отвращением, не понимая, зачем Ратимов его показывает.

Таким образом, как мы видим, вблизи Государя не существовало влияния разумного, образованного и воспитанного, авторитетного врача. Государь только видел и слышал одну неприятную и отрицательную сторону врачебной деятельности, не видел врачей Ему симпатичных и вселяющих Ему доверие и уважение к их науке, не видел и не слышал в этом отношении ничего положительного и интересного. Удивительно ли, что Он относился к медицине индифферентно или даже презрительно и недоброжелательно. К тому же в то время положение врачей в аристократическом мире и при Дворе было у нас еще какое-то неопределенное и двусмысленное, отдававшее еще временами крепостного права и Петровской Руси, когда врачи приравнивались чуть ли ни к «брадобреям», – врачи в то время, как и художники и актеры, стояли как будто на границе между «господами» и высшей прислугой, как околоточные в полиции – не то офицер, не то нижний чин; врачей принимали в спальне и детской, но в гостиную пускали с трудом, а за столом сажали на конце стола с гувернерами и боннами; правда, между врачами были тайные советники, александровские кавалеры и лейб-медики, но ведь были камердинеры и камерфурьеры в классных чинах и с орденами на шее, были и лейб-кучера, и врачи не умели себя поставить и провести резкую грань между собой и гувернерами из барабанщиков и бон-

нами. Ведь в таком-же положении было тогда и духовенство, которое не считали равным с «господами», за исключением разве высших иерархов. Помню, как при Дворе Императора Николая II нас врачей на каком-то парадном завтраке посадили за один особый стол с придворным духовенством, а остряк Раухфус смеясь заявил, что это нововведение с тех пор, что Лукьянов стал обер-прокурором Синода...

Вот почему сложилась легенда, что Государь Александр III не любил врачей настолько, что, не желая их слушать, довел себя до смертельной болезни. Между тем Государь относился к врачам с полным уважением, когда они держали себя с тактом и скромно, но не без самолюбия. Так Он очень любил и уважал харьковского профессора-хирурга В. Ф. Грубе, после того, как лично видел его отношение к раненым при катастрофе в Борках; так-же безукоризненно-любезно, милостиво и с большой добротой относился Государь и ко мне, и я мог только гордиться Его обращением со мной, когда я ухаживал за Ним, на Его смертном одре, тогда как проф. Г. А. Захарьина Он любил за его чудачества и ломанье.

II. Первые мои встречи с Государем

Будучи младшим врачом 85-го пех. Выборгского Императора Вильгельма полка, я в 1886 г. был впервые назначен на лагерное время хирургом-консультантом Красносельского военного госпиталя.

Как известно, в Красносельском лагере собирался гвардейский корпус и другие войска Петербургского округа, всего 30–35 000 человек. Работы там было много и она была ответственная, так как она протекала на глазах высшего военного начальства, отчасти и самого Государя, и легко подвергалась критике. По обычаю с весны лагерем командовал командир гвардейского корпуса, тогда Принц Александр Петрович Ольденбургский. В начале июня, ко времени сбора всех частей в лагере, в Красное переезжал Главнокомандующий Вел. Князь Владимир Александрович, а в конце июля или начале августа на время смотров и маневров прибывал Государь Император с Императрицей.

Преображенским полком командовал Вел. Кн. Сергей Александрович, а в рядах этого полка Наследник Цесаревич Николай Александрович, во главе Лб. Гвардии Конного полка находился Вел. Кн. Павел Александрович; кроме того производили смотры генерал-фельдцехмейстер В. К. Ми-

хаил Николаевич и генерал-инспектор кавалерии В. К. Николай Николаевич младший. Таким образом все, что делалось в Красном, было известно почти всем членам Императорской Фамилии и самому Государю. Понятно, что все военное начальство было постоянно начеку, и служить в Красном было не легко. В противоположность мнению теперешних «критиков» старого режима, в то время к солдату относились с большой заботливостью, его хорошо одевали, отлично кормили и лечили. Присмотр во всех этих отношениях был самый тщательный. О каждом несчастном случае или случайном ранении мы обязаны были доносить «по команде» всему начальству, о более тяжелых повреждениях нижних чинов и офицеров безразлично представлялись донесения Государю, кроме того при несчастных случаях в шефских частях сведения требовали и шефы. Так напр. о всех случаях в Кавалергардском и Кирасирском полках ежедневно сообщали сведения Императрице, как шефу этих полков. А несчастных случаев за лето, при маневрах, стрельбе боевыми снарядами и т. п., в Красном Селе бывало не мало; все пострадавшие доставлялись в госпиталь, поэтому на хирурга госпиталя ложилась немалая ответственность. Военное начальство, знавшее конечно о заботах Высочайших Особ по отношению к раненым и тяжело больным, тоже очень интересовалось участью пострадавших и постоянно посещало своих больных в госпитале; навещали больных все начальники, начиная от ротных командиров и до корпусного. Служба

наша в госпитале была очень тяжелая – помимо большой чисто врачебной работы, приходилось ежедневно принимать, сопровождать начальство, военное и медицинское, и всем давать объяснения и справки. Кроме того, как хирург, я часто получал командировки для присутствования, напр., на скачках, на маневрах, на переправах и т. п. Надо было быть наготове во всякое время и днем, и ночью.

Принц Ал. П. Ольденбургский, всегда особенно интересовавшийся врачебным делом, неутомимый, энергичный, строгий и требовательный посещал госпиталь очень часто, входил во все подробности и был для нас грозой. В июле подробно осматривал госпиталь Главнокомандующий, а в начале августа ежегодно приезжал к нам Государь с Императрицей, в сопровождении Главнокомандующего, Военного Министра и друг. День этот мы ждали и готовились к нему все лето, а удивительно милостивое и благожелательное отношение Государя и Его благодарность были нашей наградой за понесенные труды. Государь осматривал госпиталь очень тщательно, подробно и не торопясь, жертвуя на это часа 2 времени. Госпиталь располагался в бараках и шатрах в саду, и Государь обходил все палаты и шатры, заходил в аптеку, в кухню и даже в покойницкую, пробовал пищу, подробно расспрашивал о состоянии тяжелых больных и много разговаривал с солдатами и офицерами. Он был удивительно обаятелен Своей простотой и добротой и Его все очень любили, хотя почему-то побаивались, это характерная черта рус-

ского человека – почитать и любить того, кого он одновременно боится. Все знали, что Государь пуще всего не любит лжи и обмана и что человек, раз попавшийся в неправде, навсегда погиб в Его глазах. Хирургическое отделение показывал консультант-хирург, все остальные отделения – главный врач при помощи ординаторов. Государь требовал, чтобы мы знали каждого больного, какой он части, при каких обстоятельствах им получено повреждение, сколько он лечится и т. д. При 150–200 больных в отделении помнить все это было трудно, но мы готовились к Высочайшему смотру и заучивали эти сведения, как к экзамену.

Я работал в госпитале в 1886 и 1887 г. и с 1890 по 1892 г. и следовательно 5 раз показывал мое отделение и давал объяснения Государю. Помню, что в первый год докладывать Государю было страшно; эту робость вселяли Его рослая и величественная фигура, но при разговоре с Ним робость исчезала и в Нем чувствовался человек, удивительно добрый и прямой, но хорошо знающий, чего Он хочет. Дни Высочайшего смотра госпиталя были праздником – и для врачей, и для больных. При первом посещении Государь спросил меня, из каких я Вельяминовых и, услышав, что я сын преображенца, спросил, как и почему я сделался врачом. Я ответил, что пошел на врачебное поприще по призванию. Государю это видимо понравилось, и Он сказал: «тяжелый это труд». Помню, как на второй год, когда Государь еще мало меня знал, я чуть чуть неволью не погубил себя. У меня было

много выздоровевших, уже бывших на ногах; Государь приказал выстроить их шеренгой на аллеях сада, чтобы самому не обходить шатры. В последних для дачи объяснений мне помогали доски над кроватями, но в саду надо было знать больных в лицо. Я запомнил людей по полкам и по фуражкам припоминал полученные ими повреждения и как они получены.

Но вот мы подошли к кирасиру, я помнил, что у кирасира перелом ключицы, полученный при падении с лошади, и так доложил Государю. Государь спросил, почему он упал; солдатик, не желая заслужить упрек за плохую езду, ответил, что у него ушиб ноги от удара копытом лошади, но что он с лошади не падал. Государь вопросительно посмотрел на меня. Я опешил, но догадался спросить солдата, какого он полка, он объяснил, что гусарского и что кирасирскую фуражку он схватил впопыхах у товарища кирасира. Я откровенно доложил Государю, что помнить 200 человек в лицо невозможно и что я заучил людей по полкам, а они второпях, от радости видеть Государя, обменялись шапками. Государь улыбнулся; я тотчас же нашел настоящего кирасира, бывшего в гусарской шапке и представил его Государю; оказалось, что он действительно получил перелом ключицы при падении с лошади. Государь рассмеялся, и я почувствовал, что моя откровенность Ему понравилась, а у меня совершенно пропала робость пред Ним. В следующие годы мне приходилось несколько раз давать Государю объяснения в случаях,

где Он мог заподозрить неправду. Ближе узнав меня, Государь потом верил мне безусловно и как-то при мне сказал по какому-то случаю Императрице: «Это сказал мне Вельяминов, значит это так».

Думаю, что началом этого доверия ко мне послужил только что рассказанный инцидент с кирасиром. Это доверие к людям, которым Государь раз поверил, очень облегчало службу при Нем – нужны были неопровержимые факты, чтобы заставить Его переменить мнение о человеке, которого Он дарил Своим доверием, – напротив, люди, пытавшиеся наговорами пошатнуть Его доверие к кому-нибудь, кому Он верил, только роняли себя в Его мнению. Это свойство характера привлекало к Нему так же, как постоянное недоверие Николая II охлаждало людей и оскорбляло самых преданных Ему.

В первый же год моей службы в Красном Селе я удостоился приглашения, как врач, к Принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской и Вел. Кн. Владимиру Александровичу, это дало мне сразу известную репутацию в военных сферах. В тот же год, Принц Александр Петрович, узнав, что я сын преображенца, приказал без моего ведома перевести меня из армии в Преображенский полк; это внимание было наградой за мою службу в Красном Селе, которой Принц остался видимо очень доволен. Целый ряд удачных операций и успешная помощь при тяжелых повреждениях упрочили мою репутацию, как хирурга. Вскоре меня приблизи-

ли к себе Принц и Принцесса Ольденбургские и меня стали отличать В. К. Владимир Александрович, а потом – и Государь. В эти годы я очень успешно лечил любимца Государя, гофмаршала Кн. В. С. Оболенского, а после катастрофы в Борках – и близкого к Царской Семье флигель-адъютанта В. Л. Шереметьева.

Кажется в 1891 г. Государь посоветовал вернувшемуся больным с Востока, командиру «Памяти Азова», Н. Н. Ломену обратиться ко мне за советом. До того Ломену врачи помочь не могли, мне же удалось вылечить этого смелого моряка очень скоро. Ломен рассказывал мне потом, что когда он, выздоровев, благодарил Государя за совет обратиться ко мне, Государь с улыбкой ответил: «Вы видите, что мои рекомендации не так плохи».

В том же 1891 г. в Красном Селе произошло несчастье: на смотровой стрельбе артиллерии в присутствии В. К. Михаила Николаевича в Донской батарее Гв. Конной артиллерии разорвало орудие и 5 человек красавцев-казаков было ранено, из них двое очень тяжело; эти последние были почти в безнадежном состоянии, но мне все же удалось их спасти, причем Государь очень интересовался этими ранеными и приказал докладывать Ему ежедневно о их состоянии. Это обстоятельство значительно подвинуло вперед растущее благожелательное отношение ко мне Государя.

В то же лето в Петергофе праздновалось двадцатипятилетие зачисления в Преображенский полк Государя. Полк был

приведен на этот день из Красного в Петергоф, где состоялся блестящий парад, на котором присутствовали и все врачи полка.

Этот парад был один из самых красивых, кои мне пришлось видеть. Утро было летнее, светлое, яркое. Парад происходил на красивой площадке перед «министерскими домами», у ворот большого дворца, въезда на террасу, на фоне чудного петергофского парка. Здесь были все Великие Князья в Преображенских мундирах и все старые преображенцы в мундирах времени их службы в полку. Государь пешком Сам вел полк церемониальным маршем перед Императрицей и салютовал Ей. На фланге проходил Главнокомандующий В. К. Владимир Александрович, в роте Его Величества – Наследник Цесаревич, в строю были почти все Великие Князья. Шел Государь впереди Своей роты, в которой люди были ростом не меньше Его – это были самые рослые люди во всей русской армии – почти великаны.

Государь шел по всем правилам церемониального марша, широким шагом, сильно вытягивая носок на старый Николаевский лад и красиво салютуя шашкой; полк в приподнятом настроении под личным предводительством своего державного шефа и Верховного Вождя армии проходил блестяще. Получалось удивительное впечатление – шел какой-то полк титанов с повелителем великой России впереди; чувствовалась мощь, которую могла проявить только великанша Россия, со своим великаном-Царем и со своими великана-

ми солдатами; было красиво и внушительно – это проходили представители великой России Императора Александра III.

В этот день мы, младшие врачи, впервые получили приглашение к Высочайшему завтраку, на котором участвовали только члены Императорской Фамилии и Преображенские офицеры, т. е. офицеры первого из потешных полков Петра Великого. До этого по традициям Двора к Высочайшему столу в дни полковых праздников и при подобных случаях приглашался только старший врач, а мы, младшие врачи, в числе 4-х, должны были отправляться домой, и это на глазах офицерства и нижних чинов, что бывало очень унижительно и оскорбительно. Я как-то указал на этот анахронизм гофмаршалу Кн. В. С. Оболенскому, с которым был в близких отношениях. Он вероятно доложил об этом Государю и вот в этот день по личному приказанию Государя впервые была пробита брешь в несокрушимой до того стене, отделявшей офицеров-бар от нас-париев. С этого дня все полковые врачи приглашались наравне с офицерами. После завтрака Государь долго оставался в кругу офицеров и беседовал с ними. Я стоял поодаль совершенно одинокий. Государь, заметив меня, демонстративно прошел чрез группу офицеров, окружавших Его, и спросил меня что-то про санитарное состояние полка. Я ответил, что как младший врач, да еще откомандированный в госпиталь, я о состоянии полка ничего не знаю. Государь удивился, что я младший врач, и спросил меня, сколько лет я на службе. Я ответил, что служу уже 14 лет.

«Почему же вас до сих пор не назначают старшим?» – «Не могу знать В. В.» – Государь что-то стал говорить о Красном Селе и осведомился о состоянии казаков, при чем я мог убедиться, что Он очень тщательно читает наши донесения и вполне осведомлен о жизни войск в лагере.

Это мелочь, но она была очень характерна для Государя Александра III: во 1-х, Он сумел показать мне, маленькому врачу, что знает все, а чего не знает, то хочет узнать; во 2-х, Он понял, что немецкое медицинское начальство эксплуатирует меня, чтобы показать в Красносельском госпитале Ему товар лицом, но как русского держит меня в черном теле, и Государь, довольный моей работой, желал меня подбодрить и поддержать. Вскоре я узнал, что в штабе корпуса была сделана справка о моей службе; оказалось, что я уже два года вычеркнут почему-то из списка кандидатов в старшие врачи. В результате в 1892 г. я был назначен на первую открывшуюся вакансию в Гвардии – старшим врачом Семеновского полка.

Я намеренно рассказал этот маленький факт, ибо он хорошо иллюстрирует, почему Государя, с одной стороны, боялись, а с другой – любили, почитали и были Ему преданы, хорошо зная, что Он враг всяких интриг, справедлив, любит скромных тружеников и очень внимателен даже к самым маленьким работникам, если Он их знает – в обиду не даст и справедливо оценит их работу.

Государь Александр III знал жизнь людей и отлично пони-

мал, как влияет на судьбу скромных работников Его открытая поддержка и этим нередко пользовался, чтобы помочь тем, кому помочь Он считал нужным и справедливым.

Все в том же году Царская Чета приезжала 15 июля в Красное Село на именины В. К. Владимира Александровича. После завтрака в большой столовой палатке Императрица при всем военном начальстве вызвала меня из толпы и долго беседовала со мной. Думаю, что это был первый случай такой чести, оказанной младшему военному врачу, что и произвело на мое начальство нужный эффект. После посещения в это лето госпиталя, Государь, уезжая, подал мне руку, так сказать, официально, на службе, и отдельно благодарил за мою работу; обычно Государь после осмотра госпиталя подавал руку только главному врачу и благодарил медицинский персонал в его лице; это было особое отличие для меня и с тех пор мое медицинское начальство забыло, что я русский. Так я постепенно приближался к Государю.

III. Смерть генерала Грессера

Зимой 1891/92 г. в Петербурге появился какой-то шарлатан, по фамилии Гачковский, который якобы успешно лечил от всяких болезней какими-то подкожными впрыскиваниями. Секрет его успеха объяснялся тем, что он своим средством будто-бы возвращает пожилым мужчинам силы молодости. Публика, всегда падкая на всякие шарлатанские приемы, особенно столь много обещающие, как средство Гачковского, бросилась к последнему, и конечно стали рассказывать чудеса. Лечение помогало и было, по словам изобретателя, вполне безопасно, ибо впрыскивал он, как он говорил, буру в глицерине.

Официальный муж знаменитой в свое время львицы графини З. Д. Богарн герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, видимо испытавший безрезультатно на себе все омолаживающие средства, смеясь рассказывал о действительности средства Гачковского, что даже 80-ти летний Князь Б. Голицын после этого лечения, услышав только слово женского рода, как напр. «газета», «труба», начинал ржать. Не удержался от попытки помолодеть и немолодой уже, тогдашний петербургский градоначальник ген. Грессер. Казалось-бы, что ему следовало выслать Гачковского из столицы, как опасного шарлатана, а он сам прибег к его помощи и жестоко поплатился.

Я ничего не знал о случае с Грессером, с которым не был даже знаком.

Это было в апреле, и я как-то на воскресенье поехал с Г. И. Турнером по Николаевской дороге на глухариный ток. Когда мы на другой день часов в 6 вечера возвращались в город, поезд был переполнен публикой, ездившей на поиски дач; на петербургском вокзале масса приехавшей публики толпилась на платформе и почему-то не могла выйти через подъезд на площадь; оказалось, что подъезд закрыт и через двери полиция в лице пары дюжих околоточных выпускала пассажиров по одиночке – видимо кого-то искали и стремились схватить. Образовался длинный хвост; я торопился на обед в гости и, стоя в охотничьем костюме весь в грязи, после поездки на телеге по грязным дорогам, с ружьем и большим глухарем в руках, громко бранился за бесцеремонность полиции. Велико было удивление мое и Турнера, когда у дверей околоточные меня остановили и отвели арестованным в сторонку; после этого двери открыли и пустили всю публику. Было ясно, что ловили меня.

Меня подвели к какому-то штатскому господину с бритой физиономией, очень похожему на сыщика, в котором я узнал старшего врача полиции д-ра Дункана. Он заявил мне, что ему приказано, согласно Высочайшему повелению, тотчас же доставить меня к градоначальнику. Зная Дункана за оригинала и шутника и ничего не понимая, я недоумевал, что это неумная шутка или какое-то недоразумение, ибо, ко-

нечно, никакой вины за собой не знал. Мы вышли на подъезд, у которого стояла всем известная коляска градоначальника с парой серых рысаков. Дункан пригласил меня сесть с ним в экипаж и мы поехали по Невскому.

Публика видя в экипаже градоначальника какого-то грязного господина в охотничьем платье с большим глухарем в ногах и в сопровождении человека похожего на сыщика с удивлением глазела; городовые, издавек завидев экипаж градоначальника, но не видя, кто в коляске, становились во фронт и этим обращали на нас всеобщее внимание публики, которой в воскресный весенний вечер на Невском была масса. По дороге Дункан объяснил мне, что ген. Грессер при смерти, что у него в 6 часов назначен большой консилиум, на который Государь по телефону из Гатчины приказал пригласить меня; узнав у меня в доме, что я на охоте и возвращаюсь с этим поездом, он решил меня поймать там тем способом, о котором я только что сказал, и доставить меня на консилиум прямо с вокзала, чтобы по возможности не заставить профессоров ждать меня.

Я нашел шутку Дункана довольно плоской, но должен был смириться, с трудом упросил его заехать к себе домой на Николаевскую, чтобы переодеться. Он нехотя согласился. Когда мы уже после 7 часов вошли в приемную градоначальника, где толпилась масса его подчиненных, дежурный офицер подошел ко мне и сказал, что сейчас звонили из Гатчины и передали приказание Государя Императора мне, тотчас по

окончании консультации доложить по телефону Его Величеству мое мнение о состоянии градоначальника.

В кабинете я застал тогдашних корифеев петербургской хирургии: профессоров Носилова, Ратимова, Павлова и д-ра Троянова, которые ждали меня уже более часа. Чтобы оценить момент, надо знать, что в то время профессора Академии, «официальные светила» относились ко мне и без того с озлоблением, не признавая моей компетенции в хирургии, но считались со мной, ибо я был хозяином единственного в России специального журнала по хирургии, в котором не стеснялся критиковать их, Носилов же и Троянов были мои непримиримые враги; и вот они были принуждены ждать молодого полкового врача, и Государь желал знать мнение его, а не мнение признанных светил. Не скрою, что я чувствовал в этот момент большое нравственное удовлетворение, за что должен был быть благодарен одному только Государю.

При осмотре больного оказалось, что у него, после впрыскивания Гачковского, развилась очень тяжелая форма гнилостного заражения, от которого он погибал. После совещания я приказал вызвать к телефону скорохода и велеть ему передать Его Величеству, что считаю, в согласии с другими, положение безнадежным. Дня через два градоначальник погиб. Расследование не выяснило, что собственно Гачковский впрыснул Грессеру, может быть, это был результат очень грязного шприца. Но после этого исчез и Гачковский. Рассказов о смерти Грессера в городе было много; узнали

и о моем приглашении по Высочайшему повелению и это в значительной степени подняло мою репутацию в городе и... улучшило, странным образом, мои отношения с Академией.

IV. Мое назначение для сопровождения Государя на маневры в Польшу и на охоты в Спале

В конце августа 1892 г. после лагерного сбора, я неожиданно для себя получил телеграмму от нового гофмаршала Графа Голенищева-Кутузова, который экстренно вызывал меня по службе к себе в Петергоф. От него я узнал, что мне Высочайше повелено сопровождать Его Величество на маневры под Ивангородом и потом на охоты в Спале, где Государь пробудет весь сентябрь. Отъезд назначен через два дня, все распоряжения уже сделаны и мне остается только подготовиться. Граф Кутузов посоветовал мне взять с собой, кроме военного платья, штатское и, на всякий случай, охотничье платье и ружья. Может быть, что Государь пригласит меня участвовать в охотах, если же не пригласит, то ружья придется спрятать.

Позже я узнал, как произошло мое назначение, совершенно неожиданное для всех. Два года перед тем (Государь охотился в Спале через год) Г. И. Гирш на охоте случайно ранил картечью гостя Государя, германского генерала Вердера, что было конечно очень неприятно Государю и вызвало немало

насмешек над бедным Гиршем. На этот раз Гирш был нездоров; действительная эта была болезнь или политическая было неизвестно, но он якобы не мог сопровождать Государя и уехал в отпуск. Нужен был заместитель. Конечно, все окружающие Царскую Чету лица на перерыв рекомендовали своих кандидатов. Интриги шли во всю. Государь по обычаю молчал. После лагеря Он поехал на прогулку в шхеры. Когда приблизилось время отъезда в Польшу, кто-то из близких за завтраком на «Полярной Звезде» спросил Государя, как Он решает относительно выбора врача; начали называть разные фамилии. Тогда Государь коротко ответил: «А у меня есть Свой кандидат» и приказал Графу Кутузову вызвать меня. Для всех это был сюрприз, ибо обо мне конечно никто не думал, но все замолчали. Так рассказывал мне один из присутствовавших при этом.

Конечно, я был очень рад этому назначению и очень польщен им, но отлично сознавал всю большую ответственность, с одной стороны, и те «риффы», в виде интриг, кои мне придется обходить, тем более, что после смерти Кн. Оболенского, у меня при Дворе не было близких друзей и я попадал в совершенно чуждую мне атмосферу, но я уже верил Государю и верил, что Он в обиду меня не даст. Всего больше я боялся Графа Воронцова; в его доме врачом был Алышевский, ученик С. П. Боткина, бывали и другие «Боткинцы»; Граф был под их влиянием, а они считали меня приверженцем немецкой партии, не любили меня и несомненно были

недовольны выбором меня.

В назначенный день я приехал в Петергоф, где и помещился в Императорском поезде в назначенном мне купе. Утром в день отъезда я явился Министру Двора, который, как я и ожидал, встретил меня очень сухо. Под вечер я заехал к моей приятельнице, очень близкой к Императрице Княгине Александре Александровне Оболенской, вдове покойного гофмаршала Кн. В. С. Оболенского, которая, как лицо, хорошо знавшее все традиции и правила Двора, дала мне нужные наставления. Между прочим, Княгиня сказала мне, что Цесаревич Николай Александрович, тогда мой однополчанин, обещал ей быть, если можно так выразиться, моим *sicerepne*² в совершенно незнакомой мне обстановке. Часов в 9 вечера я прибыл на Новопетергофский вокзал, чтобы представиться Государю перед отъездом.

Там в Императорских комнатах собрался на проводы весь Двор. Государь, обходя провожавших и увидя меня, подошел ко мне, выразил Свое удовольствие, что может взять меня с Собой и надежду, что я после тяжелой работы отдохну в Спале. Он спросил меня, охотник ли я. Я ответил утвердительно. «Ну, очень рад, сказал Он, а то вам было-бы скучно. Посмотрим, как вы стреляете».

Таким образом я сразу получил и приглашение на охоты, чему очень обрадовался, ибо охоты в Спале и Скерневицах были одни из лучших и богатейших в мире. Подчеркиваю

² проводник, гид (*ит.*).

только что сказанное, ибо оно очень хорошо характеризует Государя Александра III – по отношению к маленькому полковому врачу, к Его гостю, Он был так же любезен, как обыкновенный хозяин к своему гостю; Он брал меня с Собой не только, как нужного Ему врача, но вместе с тем желал предоставить мне приятный отдых после тяжелой работы, которую Он ценил, и заботился, чтобы мне у Него не было скучно. Этим Он сразу придал мне бодрости и уверенности в себе и сразу установил мои отношения с окружавшими Его сановниками, из которых я по возрасту почти годился в сыновья.

В Императорском поезде ехали: Государь, Императрица, Наследник Цесаревич, Вел. Княжна Ксения Александровна, В. К. Владимир Александрович, Министр Двора Граф И. И. Воронцов-Дашков, Командующий Главной Квартирой ген. ад. О. Б. Рихтер, дежурный генерал ген. ад. П. Л. Черевин, гофмаршал Граф А. В. Голенищев-Кутузов, Военный Министр ген. – ад. П. С. Ванновский, Фрейлины сестры Графини А. В. и М. В. Голенищевы-Кутузовы. Остальных я не помню, – кажется, больше никого и не было.

В пути свита приглашалась к завтраку в 12½ часов, и к обеду в 8 часов вечера. В 5 часов желающие пили чай в столовой; некоторым старшим лицам Императрица сама наливала чай. К чаю можно было и не ходить и пить его у себя в купе, но все ходили, ибо это было время, когда Государь довольно долго проводил в столовой и вел непринужденную беседу на разнообразные темы. Должен подчеркнуть,

что Царская Чета удивительно любезна и приветлива; Государь и Императрица держали себя, как гостеприимные хозяйева, что придавало обществу тон простоты и интимности; во всяком случае получалось полное отсутствие натянутости, но это нисколько не умаляло величественности Августейших хозяев. Для всех Царь и Царица находили слово и тему для разговора. Все мои спутники были уже давно близки, я же был новый человек, в маленьких чинах, но тем не менее и меня поставили в такое положение, что я уже на второй день не чувствовал себя чужим и не ощущал робости. Государь, видимо, понимал, насколько я должен был чувствовать себя неловко и одиноко в непривычном для меня кругу и бесспорно желал по Своей бесконечной доброте особой приветливостью приручить меня и это трогало и невольно делало меня, уже тогда, самым преданным Ему человеком; чувствовалось, что такую же безграничную преданностью были переполнены и все Его окружавшие, в том числе и боготворившая Его прислуга. Думаю, что именно таким должен был-бы быть и всякий монарх, особенно самодержавный, который желает властвовать над своими верноподданными.

Цесаревич сдержал свое обещание и в первый же день за завтраком посадил меня рядом с собой, но не могу сказать, чтобы он меня «шапронировал»³, и наш разговор не клеился, ибо он конфузился больше, чем я, а потом очень скоро забыл обо мне и мало обращал на меня внимания.

³ Здесь: опекал (от *фр.* *chaperonner*).

Общий разговор за столом происходил исключительно на русском языке, никаких иностранных языков Государь в своем обиходе не допускал и говорил по-французски только с Императрицей, но, надо признаться, говорил Он по-французски плохо, как часто говорят именно русские. Императрица обычно говорила по-французски с теми, кто этим языком владел, но не стеснялась говорить и по-русски, хотя говорила с акцентом, но правильно и довольно свободно. С детьми Она, видимо, по желанию Государя, всегда говорила по-русски, кроме маленькой Ольги Александровны, которая, будучи на руках у англичанки, часто пыталась говорить с матерью по-английски и не свободно говорила по-русски. Как я заметил, Государь этого не любил. Как-то раз Он спросил меня, на каком языке говорит мой сын, которому тогда было 4 года; я ответил, что пока он говорит только по-русски, но начинает говорить и по-немецки. Государь, обращаясь к Императрице, сказал: «Ты слышишь, сын Николая Александровича говорит только по-русски, так и следует». Несомненно Он держался того взгляда, что дети должны начинать говорить только на своем родном языке и, видимо, не сочувствовал привычке нашей аристократии учить детей говорить на иностранных языках раньше, чем они научатся правильно и свободно говорить по-русски.

Кстати сказать, в противоположность существующему мнению, что Государь Александр III был будто грубоват, я должен указать, что Он первый отказался от привычки,

существовавшей при Александре II, говорить со всеми на «ты». Известно, что при Александре II, Он сам и Его братья говорили всем «ты» – что было выражением особой милости; Александр II и Великие Князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи говорили «вы» только лицам мало знакомым, и это считалось выражением с их стороны неблагосклонного отношения. Александр III вывел этот обычай и всегда всем говорил «вы». В. К. Николай Николаевич так и не мог к этому привыкнуть, а В. К. Михаил Николаевич отвык от этого с трудом, часто по привычке ошибался и поправлялся, а своим близким говорил «ты» до своей смерти. Кроме того, в своем обращении с окружающими, с прислугой и солдатами Государь Александр III был очень вежлив и мягок; чинов Своей ближайшей свиты и близких придворных Он всегда называл по имени и отчеству и никогда по фамилии, как это было принято при Дворе Его отца и как обыкновенно называл всех еще В. К. Владимир Александрович.

Утром при первой встрече Государь Александр III и Императрица, а также дети, всем «своим» подавали руку, до последнего молодого конвойного офицера. На встречах, при проходах, перед завтраком Государь и Императрица всегда обходили всех собравшихся и всем без исключения давали руку – обычай, который потом отчасти вывела Императрица Александра Федоровна, подававшая руку только избранным. Вообще при Дворе Александра III царила удивительная про-

стота, и вежливость со всеми одинаково. Прислуга обожала Царя и Царицу, что тоже совершенно изменилось при Императрице Александре Федоровне, которую все очень боялись.

V. На маневрах под Ивангородом

На второй день нашего путешествия поезд утром остановился где-то в поле, вблизи Ивангорода, там были приготовлены верховые лошади. Государь и Императрица сели на коней и, сопровождаемые всей свитой, тоже верхом, выехали на маневры. Подробностей этого дня я хорошо не помню, но помню, что завтрак был в поле, подан был без столов и накрыт *à la fourchette* на коврах, покрытых скатертями. К завтраку были приглашены все офицеры ближайших частей. Помню, что мы провели весь день, до темноты, верхом и вечером очень усталые прибыли на ночлег. Где он был, я не помню. Кажется, вторую ночь мы ночевали уже в Ивангороде.

Помню, что войска встречали Государя с очень большим воодушевлением и бесспорной любовью. Наблюдая за Государем в эти дни я заметил, что Он в сущности в душе был не военный и несомненно «игры в солдатики» не любил, но все же входил во все подробности, всем очень интересовался и не показывал вида, что Он устал или что все это Ему скучно, что Он делает это по обязанности. Верховом Он ездил по-домашнему, на специально выезжанных для него лошадях, очень покойных, на трензеле, а не на мундштуке. Тем не менее, благодаря Своей богатырской фигуре, Он перед войсками делал очень величественное впечатление. Од-

но, что мне казалось несколько своеобразным, это присутствие везде Императрицы, что придавало всему какой-то семейный характер и напоминало несколько пикник. Мне казалось, что это как-то умягчало воинский дух, столь важный для настроения войск. Насколько Государь понимал военное дело, я не знаю, но одно для меня было ясно, что маневры велись довольно беспорядочно и что командный состав был не на высоте. Так я припоминаю, что в одном месте мы видели застрявший на болотистых дорогах обоз, который не мог выбраться, что указывало на недостаточное знакомство начальников с местностью – обстоятельство, как мне кажется, недопустимое на маневрах в местности, которая должна была быть изучена до тонкости.

В другом месте кавалерийский полк потерял направление, о чем можно было судить по тому, что полк пустили в атаку прямо на Государя и Его свиту; полк неожиданно налетел карьером на Государя и чуть не смял нас и Государь едва успел с Императрицей и свитой на рысях оехать в сторону; у военного министра Ванновского и у меня лошади закапризничали и мы чуть не были смяты атакующим полком и спаслись только тем, что попали в интервал между эскадронами. Наконец в третьем месте, где для разведки находился привязной воздушный шар, не действовал телефон с шара и последний не мог исполнить своей задачи.

Последний день маневров приходился на 30 августа, день именин Государя. Маневры должны были кончиться ноч-

ной атакой и штурмом одного из отдаленных фортов крепости, носившего название «форт Ванновский». Вечером после обеда мы выехали в нашем поезде на этот форт. Весь путь от Ивангорода до форта и сам форт были богато иллюминированы, а вокруг форта, расположенного на высоте, царил полная тьма, и где-то там в этой темноте были скрыты войска, кои должны были по сигнальной ракете произвести атаку и штурм. Для Государя на одном из валов форта была построена беседка, с которой Он должен был смотреть на маневр. Но здесь произошла неудача.

По приезде на форт Государь со свитой и командующим войсками Варшавского Округа ген. Гурко прошел в беседку. Гурко приказал пустить сигнальные ракеты, но приказание почему-то долго не исполнялось, и войска не двигались, выжидая условного сигнала. Оказалось, что забыли заготовить ракеты. Государь все ждал. Послали ординарца к войскам, но они где-то исчезали в темноте и видимо не могли добраться до войск. Я слышал, как Гурко «пушил» начальника артиллерии и приказал ему подать в отставку; но это не помогло, конечно, и минута для Гурко получилась очень неприятная. Наконец, кто-то догадался открыть с фронта артиллерийскую стрельбу и осветить местность прожекторами. Войска догадались и повели атаку. Однако вскоре произошла вторая неудача.

В этот день впервые крепостные орудия стреляли бездымным порохом. Я пошел посмотреть на стрельбу и вдруг, под-

ходя к одной амбразуре, в которой усиленно стреляло крупное орудие, услышал раздирающий душу крик. В это время ко мне подошел В. К. Михаил Николаевич и со словами «Пойдемте посмотреть, там что-то случилось» повел меня к орудию. Когда мы подошли, из группы артиллеристов отделился Главн. Воен. – Мед. Инспектор Реммерт и доложил Вел. Князю, что у орудия вырвало замок и убило одного солдата. Подойдя к пострадавшему и в темноте ощутив его руку, я нашел биение пульса, несомненно он был жив, но в темноте ничего нельзя было разобрать.

В эту минуту к месту катастрофы подошел Государь с Императрицей и свитой и, узнав в чем дело, приказал дать фонари, но таковых не оказалось, тогда Государь сам, взяв с догоравшей иллюминации лампю, осветил раненого; последний лежал в луже крови без сознания, одна рука была вырвана в плече и висела на лоскутках мяса. Императрица вскрикнув со слезами бросилась на колени около раненого, взяла его голову, положила себе на колени; я потребовал у появившегося откуда-то фельдшера ножик, чтобы разрезать платье раненого; но в сумке фельдшера не оказалось ни ножа, ни перевязочных средств; кто-то дал мне перочинный ножик, и я при помощи Императрицы, поддерживавшей раненого, и при свете лампюна, который держал Государь, стал разрезать мундир солдата, приказав кому-то позвать из нашего поезда моего лекарского помощника Полякова с нашими перевязочными средствами. Поляков немедленно явил-

ся и мы с ним быстро перевязали раненого. Государь потребовал носилки, но и таковых не оказалось. Тогда где-то сняли дверь с петель, уложили раненого и генерал-адъютанты с Гр. Воронцовым во главе понесли на плечах несчастного солдата, по приказанию Государя, в Его поезд. В это время оказалось, что у других орудий ранено еще 4 человека и из них двое очень тяжело. Всех этих раненых уложили в пустой багажный вагон Императорского поезда, который и отошел к Ивангороду, где имелся военный госпиталь. Я поехал с ранеными.

С ужасом вспоминаю я и теперь, через 27 лет, этот переезд в 4–5 верст, показавшийся мне вечностью. Вокруг проходившего Царского поезда горела иллюминация и стояли подошедшие войска, а из вагона, в котором находились раненые, неслись раздирающие душу крики раненых, находившихся в травматическом бреду. Впечатление было очень тяжелое. Думаю, что крики доносились и до вагона Государя. В Ивангороде на платформе нас к счастью встретили носилки и мы отправили раненых на руках в госпиталь, а я с Реммертом в коляске поехали туда-же. Государь и Императрица уехали домой. Сильно сконфуженный П. С. Ванновский пожимал мне руки и горячо благодарил за оказанную помощь.

Госпиталь был расположен где-то лагерем в саду или парке за крепостью. Мы ехали с Реммертом в полной темноте по парку. Он стал упрекать меня, что во всей этой неприятной истории виноват я, доложив Государю, что первый по-

страдавший жив; если бы я промолчал, и подтвердил бы, что пострадавший умер, то Государь уехал бы и никакого шума не произошло бы. Я, возмущенный, ответил ему, что пока никогда мерзавцем не был и никогда не буду.

В госпитале я потребовал, чтобы раненых по очереди приносили в операционный шатер, дабы я мог подать им немедленную помощь. К великому неудовольствию Реммерта я заявил, что не уеду из госпиталя, пока не сделаю все нужное. К стыду военного ведомства и в госпитале не оказалось ни инструментов, ни перевязочных средств, ни хлороформа. Я принужден был вылушивать раздробленную руку одному из пострадавших и перевязать остальных при помощи своих инструментов и перевязочных средств, принесенных из Царского поезда. Работал я всю ночь и лишь под утро вернулся к себе. Полагаю, что Реммерт провел плохую ночь. Я думал, что его дни, как инспектора, сочтены. Но оказалось, что я ошибся. На другое утро я пошел к помещению Государя, думая, что меня может спросить Государь. Велико было мое удивление, когда я увидел выходящего от Государя Реммерта совершенно спокойного и уверенного. Было ясно, что он спасен. Вероятно его спасли В. К. Михаил Николаевич, креатурой которого он был, и военный министр.

Днем Государь с Императрицей посетили госпиталь, по которому я их провожал и доложил обо всем мною сделанном ночью. К сожалению два тяжело раненых уже умерли, а оперированный был в агонии, спасенными оказались только

двое легко раненых. Потом я узнал, что Императрица вернулась ночью с форта вся в крови и в слезах, и что окровавленные Ее перчатки были переданы на хранение в Ивангородский собор. Государь об этом инциденте со мной больше никогда не говорил, а Императрица, недовольная Реммертом в 1900 г. во время нашей экспедиции в Китай, как-то сказала мне, «что же удивительного, что санитарное дело в армии поставлено плохо, ведь вы помните Ивангород, когда Реммерт обвинял вас в том, что вы не скрыли от Государя случившееся несчастье».

В последний день пребывания Государя в Ивангороде состоялся парад, на котором было собрано несколько корпусов. После этого мы уехали в Спалу.

VI. Охоты и жизнь в Спале

История Спальских охот, по дошедшим до меня рассказам, следующая: по своим взглядам, по своему воспитанию и образованию, – по всей Своей натуре Государь Александр III не был создан, чтобы быть монархом. Как известно, вследствие смерти своего старшего брата Николая Александровича, Он унаследовал престол своих предков случайно.

Человек Он был глубоко верующий и религиозный, верил в то, что Он помазанник Божий, что Его судьба – царствовать predetermined Богом, и Он принял Свою Богом predetermined судьбу покорно, всецело подчиняясь всем ее тяготам, и с удивительной, редкой добросовестностью и честностью исполнял все Свои обязанности царя-самодержца. Обязанности эти требовали громадной, почти сверхчеловеческой работы, которой не соответствовали ни Его способности, ни Его познания, ни Его здоровье, но Он работал не покладая рук, до самой Своей смерти, работал так, как редко кто другой. Эта неустанная, непосильная работа Его очень утомляла, и Он позволял Себе около одного месяца в году отдохнуть и жить так как Ему хотелось. Он любил тишину, уединение, простоту обстановки, семейный очаг и природу, вот почему Он так любил уединение в Гатчине. Но близость Гатчины к столице и необходимость продолжать там занятия государственными делами не удовлетворяли Его, Он ис-

кал хотя-бы временного уединения вдали от государственного колеса и возможности жить, как простой смертный. Он уезжал на время, еще будучи наследником, в Гапсаль, в финляндские шхеры, в Данию и, наконец, в Спалу. Как мне говорили, еще наследником, Он как-то возымел мысль провести осень в совершенно неустроенном Своем поместье Спала, расположенном среди богатых лесов княжества Ловичевского. Он поселился там в первый Свой приезд с женой и несколькими самыми близкими лицами свиты в маленьком, почти крестьянском домике. Там оказалась хорошая охота на оленей, и Он заинтересовался ею. Однако правильной охоты и умелых для нее людей там не было, и Цесаревич обратился за советом и помощью к местному жителю, большому любителю и знатоку охоты, к какому-то католическому ксендзу.

Ксендз этот, фамилию которого я забыл, оказался очень симпатичным человеком, устраивал охоты, руководил ими и стал близким человеком к Цесаревичу, а потом Государю. Государь строго говоря не был завзятым охотником, но любил природу, простую обстановку на охоте и «охотничье хозяйство», т. е., любил сбережение дичи, накапливание и разведение ее, строгое соблюдение охотничьих законов и т. п. Спала Ему понравилась, ибо Он там действительно отдыхал и жил так, как Он любил жить. По восшествии на престол Государь пожелал привести Спальские леса в полный порядок, приказал выстроить там более удобный охотничий дом

и стал ездить туда через год осенью. Постепенно в Спале образовалось правильное охотничье хозяйство и Спала сделалась одним из наиболее богатых и благоустроенных охотничьих угодий всей Европы. Так создавался при Дворе Александра III обычай через год проводить осень на отдыхе в Спале и охотиться на оленей только в сообществе самых близких лиц свиты и редких гостей.

Царская усадьба «Спала» расположена на открытой площадке среди старого соснового леса, на берегу реки, если не ошибаюсь, Равки, той самой на которой происходили в 1814/15 гг. знаменитые кровопролитные бои под Варшавой. Жилой или охотничий дом, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, очень простой и скромный в стиле помещичьего дома или, вернее, без всякого стиля. Во втором этаже расположены комнаты Царской Семьи, в нижнем – комнаты для свиты и гостей. Стены внутри оштукатурены и выкрашены белой краской. Так было по крайней мере в 1892 г. Единственная более роскошная комната, это большая и красивая столовая в пристройке. Обстановка самая простая и скромная, обыкновенная помещичья. С одной стороны небольшой, довольно запущенный садик. Перед домом красивая лужайка. Кроме жилого дома еще несколько деревянных домиков для служащих, домик управляющего графа Велепольского, конюшни и другие хозяйственные постройки – в сущности хорошо содержимая помещичья усадьба средней руки.

Вокруг усадьбы бесконечные леса с образцово устроенным лесным хозяйством. Среди этих лесов несколько деревень, окруженных крестьянскими полями. Образцовое охотничье хозяйство с подкармливанием дичи. Масса лесников, лесничих и егерей всех рангов – организована охота на немецкий лад, так, как в восточной Пруссии. Главная дичь – благородный олень, частью местный, частью приходящий сюда на кормежку из соседних германских лесов и даже с Карпат. Много – серн, местами не мало кабанов. Попадаются лисы, а в некоторых участках есть и перотетерева и канадские индейки. Для подкорма оленей скупается у крестьян масса картофеля.

Оленей очень много; встречаются стада (Rudel) по несколько десятков штук, есть редкие экземпляры стариков с чудными рогами. Оленьих маток и коз бить строго воспрещается. Бьют только козлов и оленей с рогами в 8 концов и, как исключение, в 6 концов, (6-ender); если они уже достаточно зрелы (jagdbar⁴). Меня предупредили, что Государь очень не любит, если по ошибке кто-либо стреляет по молодым оленям и козам, не говоря уже об оленьих матках. Есть парк с кабанам, в котором устраивается один раз облава, но Государь на этой охоте никогда не участвует, считая ее бойней.

Охотятся здесь двойким образом: «нрзб.» и облава. Самая интересная это «pürschen» или охота с подъезда во время

⁴ разрешенное для охоты (нем.).

драки самцов или рева. На эту охоту ездят только Государь и В. К. Владимир Александрович. Состоит она в том, что на самой ранней, утренней заре выслушивают рев оленей. В экипаже едут «на рев», затем в бинокль высматривают ревущего оленя или бой между ними. Обычно ревуший олень стоит на открытом месте, на таких-же местах происходят и драки между двумя самцами. Заметив место, начинают объезжать оленя в экипаже концентрическими кругами, постепенно и незаметно приближаясь к нему. Выбрав хорошее место, оленя бьют на довольно большом расстоянии. Охота эта трудная и требует хорошей меткой стрельбы. Другая охота – облавой с загонщиками, ничего особенного не представляет. В начале загона разрешается бить только оленей, в конце загона – и козлов. Лисицу разрешается бить во всякое время.

День в Спале проходил следующим образом: выезд на охоту часов в 8 утра. Все мы собирались уже готовыми у крыльца жилого дома. Государь выходил ровно в назначенное время, обходил всех, со всеми здоровался и выезжал обыкновенно с В. К. Владимиром Александровичем в Своем шарабане, запряженном парой крупных «нрзб.» в французской почтовой упряжи с почтальоном-французом на козлах. Затем приглашенные ехали попарно в колясках, запряженных польскими почтовыми лошадьми, четверкой цугом, с почтальонами, одетыми в свою почтовую форму, в высоких клеенчатых шляпах. При выезде почтальоны трубили. По приезде на место все одинаково тянули жребий, получали по плану

охотничьего участка данного дня и становились на свои места. С одного круга на другой переезжали на экипажах, что было очень легко ввиду хороших дорог и отлично содержимых просек. Распоряжался охотой управляющий граф Велепольский, сам очень редко стрелявший. Около 12-1 час. собирались в назначенном месте, где подавался в палатке завтрак или ранний обед из 4-х блюд с супом. К завтраку обыкновенно приезжали Императрица с В. Княжной Ксенией Александровной и фрейлинами графинями Кутузовыми. После завтрака охота продолжалась до темноты, значит часов до 6. Дамы оставались на охоте и становились на номера с кем-нибудь из мужчин по выбору. Императрица обыкновенно становилась или усаживалась на номере В. А. Шереметьева, В. Кн. Ксения Александровна – на номере Цесаревича. Государь стоял на номере почти всегда один. При возвращении, когда бывало уже темно, дорогу освещали егеря верхом с факелами в руках, почтальоны трубили; это освещение придавало возвращению характер чего-то феерического и было очень живописно.

По возвращении мы переодевались и собирались к обеду в большой столовой, стены которой были все увешаны трофеями охоты – оленьими рогами, под которыми была написана фамилия лица, взявшего оленя. В этой коллекции были чудные экземпляры. Обедали все, кроме Государя, в штатских сюртуках, Государь приходил к обеду в Своей охотничьей блузе или в тужурке. Характерно для этикета при Дворе

Александра III было то, что Государь всегда сидел на главном месте в конце стола, где обычно сидит хозяйка, по правую сторону сидела Императрица, по левую Ксения Александровна; в экипаже Он тоже всегда занимал место направо, а Императрица налево. Это показывало, что Государь был Государем и для Императрицы. Обычай этот изменился при Николае II, который в экипаже уступал первое место направо Императрице, как даме.

Во время обеда играл на дворе, под открытым окном столовой, военный оркестр одного из полков, расположенных в окрестностях. Музыканты получали угощение от Двора, вероятно, и деньги. Уходя из столовой, Государь через окно всегда благодарил музыкантов. Когда военного оркестра не было, играл хор австрийских музыкантов, специально приглашенный для этой цели. После обеда все выходили на площадку перед крыльцом дома для осмотра при свете факелов убитой за день дичи, живописно расположенной на лужайке; к каждому зверю была привязана дощечка с фамилией охотника, взявшего этого зверя; это – так называемые в Германии «Strecke». Во время осмотра австрийцы играли фанфары. Церемониал этот продолжался 10–15 минут. После этого все лица свиты шли в приемные комнаты Императрицы и проводили там вечер.

В первый день, не получив приглашения на вечер и не зная, следует-ли ожидать такого приглашения, я спросил Зичи, бывал ли Гирш на этих вечерах. Он ответил, что Гирш

и он на вечера не приглашались и проводили обыкновенно вечера одни, что бывало довольно скучно. Я решил, что это вероятно слишком большая скромность со стороны Гирша и по-моему, недостойная врача, а поэтому, считая себя приглашенным гостем на охоты, как и другие, пошел со всеми к Императрице. Как я и ожидал, Императрица, увидев меня, спросила, играю ли я на бильярде и, получив утвердительный ответ, пригласила меня принять участие в партии «a' la guette»⁵, в которой и Она участвовала. После первой партии, в которой я оказался лучшим игроком, в бильярдную пришел Граф Воронцов и передал мне приглашение Государя играть с Ним в винт, если я вообще играю. Я предупредил, что играю плохо, но игру знаю, попросил Императрицу разрешения отказаться от игры в бильярд и, получив таковое, пошел к игорному столу. Государь успокоил меня тем, что и Он сам играет плохо, и добавил: «по крайней мере вам будет вечером не так скучно у меня». Партию Государя составляли В. К. Владимир Александрович, Граф Воронцов, ген. Рихтер и я. Играли с выходящим при покупке 8 карт, с винтящими коронками; ставки я не помню, но для меня игра была крупная, так как при несчастьи можно было проиграть 200–300 рублей, но делать было нечего. Как оказалось, Государь играл Сам через вечер и через вечер после «Strecke» уходил к себе и работал до поздней ночи, так как в эти дни приезжал фельдъегерь с бумагами. В те дни, когда

⁵ Разновидность бильярдной игры. Игра в два шара.

Государь отсутствовал, мы играли вчетвером. Таким образом до возвращения в Гатчину я остался постоянным партнером Государя. В. К. Владимир Александрович и граф Воронцов играли отлично, ген. Рихтер очень недурно, я плохо, а Государь очень плохо и рискованно. Проигрывал больше всех Государь, потом я. Когда мне приходилось играть с Государем, мы ставили невероятные штрафы, но Он играл очень спокойно и никогда не сердился за ошибки партнеров. В конце вечера денег не платили, а ген. Рихтер записывал результаты в книжку, которую он называл «мерзавка», причем расчет должен был произойти при возвращении в Гатчину. Хотя я играл плохо и мне порядочно доставалось от Великого Князя и графа Воронцова, которые играли очень скупно и осторожно, мне все-же очень везло и в конце концов я проиграл только 150 рублей за все время, которые мне пришлось уплатить Государю, когда мы подъехали к Гатчине. За нашим карточным столом всегда сидел до 10 часов Граф Велепольский, которого Государь называл «нрзб.» и с которым, в виде исключения, как с поляком, всегда говорил по-французски. Гр. Велепольский, как он мне раз сказал, очень ценил это внимание Государя, так как поляки, как известно, очень не любили и старались не говорить по-русски. Известно, что Государь не любил поляков: но считая Велепольского своим гостем, желал быть и был с ним особенно внимателен и любезен.

Генерала Рихтера, которого все называли Оттон Борисо-

вичем, Государь и Великий Князь всегда называли почему-то Дмитрием Борисовичем. Я как-то позволил себе спросить Государя, почему Он так называет Рихтера. Государь ответил мне следующее: «Вы знаете, вероятно, что Дмитрий Борисович был воспитателем моим и моих старших братьев, кроме Сергея и Павла. Мы с братьями очень не любили немцев и были недовольны назначением его нашим воспитателем и не хотели называть его Оттон. Тогда мы спросили его, нет ли у него, как у лютеранина, другого, более русского имени. Оказалось, что его звали и Дмитрием. Мы попросили разрешения у него, называть его Дмитрием Борисовичем. Он разрешил, и вот мы, братья, с детства так и зовем его».

Около 11–11 ½ часов партия заканчивалась и все расходились, так как утром нас будили уже в 7 часов.

По воскресеньям утром до завтрака на охоту не выезжали, а все шли к обедне, которая служилась в походной церкви, помещавшейся в палатке; пели, и очень хорошо, конвойные казаки Шереметева, чем он очень гордился. Обедня начиналась в 11 часов и кончалась ровно в 12. В эти дни Государь и все мы бывали в военной форме – в сюртуках без оружия: в той-же форме по воскресеньям и обедали. После раннего завтрака в 12 часов выезжали на охоту, но в эти дни охоты назначались в худших участках и Государь иногда на эти воскресные охоты не ездил, но любил, чтобы другие ездили. В одно из воскресений назначалась охота на кабанов в огороженном парке на заграничный лад. В сущности это

была не охота, а только стрельба и довольно трудная; Государь допускал эту охоту, но Сам в ней не участвовал, так как зверь был в ограде, а Он не хотел стрелять по зверю, который был лишен возможности уйти.

Для Императрицы, бывшей отличной и смелой наездницей, раза два устраивались охоты на оленя верхом с гончими, на французский лад – «chasse à cours», но в этих охотах, кроме Императрицы, участвовали только трое: Кн. Д. Б. Голицын, В. Л. Шереметев и Граф Берг. Мне говорили, что охоты эти бывали очень живописно обставлены и велись в строго французском классическом стиле; кавалеры скакали даже в красных фраках. Сколько я знаю, кроме участников, этих охот никто не видел. Мне казалось, что Государь доставлял это удовольствие Императрице, но не особенно ему сочувствовал.

Из гостей, кроме уже указанных лиц, в Спалу в 1892 г. были приглашены: В. К. Алексей Александрович, Принц Альберт Альтенбургский, генерал-адъютант германского Императора фон-Вердер, Барон В. Б. Фредерикс – тогда управляющий конюшенной частью, Кн. Д. Б. Голицын – начальник императорской охоты в Гатчине, флиг. – ад. В. Л. Шереметев – командир конвоя, Граф Берг – племянник покойного фельдмаршала и большой спортсмен, Кн. В. С. Кочубей – адъютант Цесаревича, прибывший только под конец, и Граф Велепольский – племянник управляющего Княжеством Ловичевским.

На всех охотах присутствовал приехавший с нами придворный художник Зичи, известный автор иллюстраций к Лермонтовскому «Демону». Зичи перешел к Государю Александру III, так сказать, по наследству, от Александра II, которому он сопутствовал во всех путешествиях и на охотах. Зичи зарисовывал в альбом разные интересные эпизоды охот и потом исполнял эти рисунки акварелью, собиравшиеся в отдельные альбомы по годам. Иногда он позволял себе изображать и комические моменты на охотах в виде каррикатур, не особенно злых, и снабжать их подписями, не лишёнными шуток и острот, но никто, конечно, на эти каррикатуры и остроты не обижался. Таких альбомов в Спале хранилось несколько, и очень жаль, если они пропали, ибо помимо художественной ценности они представляли и большой исторический интерес. Из работ Зичи времен Александра II большая коллекция его акварелей и каррикатур карандашом хранилась в Гатчинском Дворце и украшала собой стены так называемого арсенального зала. Кстати сказать, одно время Зичи был очень популярен в России, благодаря его всем известной гравюре «Искушение Тамары», но, ближе ознакомившись с ним и имев случай видеть много его этюдов, рисунков и акварелей, я не находил, чтобы это был выдающийся талант; он был бойкий иллюстратор и только. Самые лучшие его вещи оставались неизвестными публике, кроме любителей, так как они касались самой необузданной эротики.

Известно, что Государь Александр III очень не любил Им-

ператора Вильгельма II и вообще немцев; говорили, что Германский Император, бывший большим любителем охоты, на все лады запрашивался на приглашение в Спалу, но такового никогда не получил. Тем более казалось странным присутствие в Спале, в интимном кругу приближенных Государя, двух германских генералов – Принца Альтенбургского и Вердера, но это имело свои причины.

Принц Альберт Альтенбургский, которого в Царской Семье все звали просто «Albert», был довольно оригинальной и в своем роде типичной личностью. Он происходил из бедного германского княжеского рода, кажется, в молодости служил в германской армии, был конечно кавалерист и завзятый спортсмен, жил не по средствам и разорился. Он однако нашел выход и, благодаря своему родству с Русской Царской Семьей чрез. Вел. Кн. Александру Иосифовну, тоже происходившую из Альтенбургского дома (жена В. К. Константина Николаевича), перешел на службу в Россию и командовал одним из кавалерийских полков в Варшаве, вероятно при Александре II. Однако долги его росли, а две девочки, оставшиеся на его руках после смерти его жены, были без присмотра. Тогда он женился на уже не молодой, но очень богатой Принцессе Елене Георгиевне Мекленбургской, дочери В. К. Екатерины Михайловны, и снова вернулся на службу в германскую армию. Он был действительно страстный и ненасытный охотник, кутила, весельчак, остряк, хороший остроумный рассказчик и несколько «шутоват». Сколько я

наблюдал, Царская Семья, особенно Государь, не особенно его уважали, но его приглашали, как родственника и весельчака, бывшего «le bout en train»⁶ всего общества в Спале. Он смешил всех, изображая из себя «l'enfant terrible»⁷, хотя ему было уже под 60, но в сущности хорошо кушал, хорошо пил и стрелял в свое удовольствие, не гнушаясь подчас насмешками над собой за свою жадность и иногда некорректность на охоте – он не мог удержаться от выстрела, когда видел дичь, даже на чужом номере, и иногда бил, как бы по ошибке, маток, несмотря на запрещение, за что Великие Князья звали его «шкурятником», но он только отшучивался и балаганил. Думаю, что он встречал поддержку больше у дам, которых смешил и веселил, а Государь относился к нему не без иронии и не особенно его долюбивал, уже за то, что он был немец. В сущности это был тип интернационального жуира «sans foi ni loi»⁸, который всю жизнь охотился на чужих, но богатых охотах и за это забавлял хозяев и гостей. Так на него все и смотрели.

Генерал Вердер, будучи свитским генералом при старом Императоре Вильгельме, состоял много лет прикомандированным к Особе Императора Александра II, на правах Его друга постоянно жил в то время при русском Дворе, сделавшись там своим человеком. Государь Александр III пригла-

⁶ душа общества, забавник (*фр.*)

⁷ ужасный ребенок (*фр.*)

⁸ без веры и закона (*фр.*)

шал его в Спалу в память Отца и пользуясь близостью Спалы к Берлину. Может быть, что Вердер имел и секретную дипломатическую миссию служить чем-то вроде *trait d'union* между Государем и германским Двором, сильно искавшим возможности сближения с Двором русским; может быть, Государь, приезжая почти на границу Германии, считал нужным выказать какую-либо любезность Императору Вильгельму, но предпочитал иметь дело с человеком, которого он хорошо знал и потому приглашал Вердера.

Вердер был типичный, сухой, чванливый пруссак, очень мало симпатичный. Охоты он не любил, очень плохо и неохотно стрелял и ездил на охоту только *pro forma*. После ранения лейб-хирургом Гиршем он почему-то боялся и меня и очень бывал озабочен, когда ему приходилось стоять на номере рядом со мной, что служило не раз темой для карикатур и острот Зичи. Если Вердер был умен, то он во всяком случае скрывал свой ум. При Николае II, ген. Вердер был короткое время послом в Петербурге; он был назначен на этот пост вероятно потому, что хорошо знал все общество в Петербурге и был близок ко Двору, но вскоре заслужил за что-то неудовольствие Императора Вильгельма и был отозван.

В сущности казалось, что оба представителя Германии чувствовали себя при Дворе Александра III не особенно «в своей тарелке», хотя Государь был с ними, конечно, изысканно любезен, но... не без доли иронии.

Полагаю, что положение Вердера в Спале в этом году было

не из особенно приятных, так как именно в этом году осенью произошел один очень «неудобный» инцидент с германским офицером, состоявшим на службе в нашей армии. Известно, что отношения между старым Императором Вильгельмом и Александром II были очень дружественные; дружба эта, между прочим, выражалась тем, что помимо военных агентов при Государе состоял германский генерал-адъютант, и при Вильгельме – русский. Кроме того, Вильгельм I выхлопотал согласие Александра II на прикомандирование к русской армии 2–3 германских офицеров. Предполагалось, что оба Государства живут между собой в такой дружбе, что германские офицеры среди нашей армии не могут быть опасны. Это было странно, но это было так.

Один из этих офицеров, граф Пфель, участвовал с нашими войсками в боях на Дунае и под Плевной и «за отличие» был переведен Александром II в Преображенский полк, где я с ним вместе служил. Пфель довольно свободно говорил по-русски, был принят обществом офицеров, как товарищ, со многими был на «ты», командовал ротой и даже батальоном, носил форму Преображенского полка и под конец состоял в чине полковника. Находился он на русской службе лет 12 и ясно, что тайн для графа Пфеля в Петербурге не было, он знал о русской армии все, что знали наши офицеры, вероятно даже больше, чем они, и был постоянно в переписке с Германией.

Приблизительно в 1890 или 1891 г. Пфель уехал в отпуск

в Германию и больше не вернулся, а осенью 1892 г., когда Государь был на маневрах в Польше, в Берлине появилась книга Пфеля о русской армии с неособенно лестными отзывами о ней. Эту книгу граф Пфель, как я слышал, имел наглость прислать даже кому-то в Петербурге; читал ее Государь и Наследник, бывший однополчанин Пфеля. Говорили, что за эту услугу Vaterland'у⁹ Пфель получил какую-то высокую должность в германском главном штабе. До приезда Вердера, еще на маневрах, при Дворе много говорили об этом более чем некрасивом и бесстыдном поступке германского офицера, который в форме русского полковника гвардии несомненно почти открыто занимался шпионством. Своеобразная этика у германского офицерства. Конечно с приездом Вердера открыто говорить о Пфеле перестали, но он не мог не знать, что эту книгу читал Государь и многие другие; надо было удивляться, что Вердер при всем этом принял приглашение в этом году. Надо однако здесь-же добавить, что после этого случая, бывшего последствием симпатий Александра II к Германии, а вернее – к Императору Вильгельму I, Государь Александр III раз навсегда прекратил прием германских офицеров на русскую службу. Вот пример какими способами пользовались немцы, чтобы готовиться к войне с Россией, которая вспыхнула через 22 года...

Об остальных гостях я скажу в другом месте.

Как я имел случай наблюдать не раз, Государь Алек-

⁹ Отечество (нем.)

сандр III не любил и не признавал мод, особенно иностранных, и разных переодеваний в специально спортивные костюмы на английский лад. Дома он обычно ходил в генеральской «тужурке» (так называвшееся «укороченное пальто»), на охоту он выезжал в удобной и очень простой блузе из английской материи, на голове носил шотландскую шапочку, а зимой – форменную офицерскую барашковую шапку, только без орла и галунов. Это пристрастие Государя к головным уборам без козырька было его оригинальностью, поэтому в его царствование и были введены в армии «бескозырки» и круглые барашковые шапки. Вред от отсутствия защиты глаз козырьком и затруднение стрелять в таком головном уборе, особенно против солнца, он почему-то упорно отрицал. Помню, что в маленькой очень низкой столовой в Гатчине над столом в потолке помещалась очень яркая электрическая лампа без абажура, которую в темные зимние дни зажигали уже за завтраком, и от нее очень рябило в глазах; Императрица как-то при мне жаловалась на неприятный, яркий свет этой лампы; я позволил себе выразить мое предположение, что такой свет вреден для глаз; Государь ответил мне, что это предубеждение, будто яркий свет вреден для глаз; «орел всегда смотрит прямо на солнце, не боится света, не портит себе глаз и обладает особенно острым зрением», сказал он мне, «вот почему я не согласен, что бескозырки и шапки вредны солдатам, о чем мне постоянно твердят». Это была его предвзятая точка зрения, оспаривать которую было

бесцельно, ибо он непоколебимо стоял на своем и доказывал свою убежденность на самом себе. Так-же одевался на охоты и Наследник, только вместо шотландской, он носил шапку вроде военной. Очень просто одевались на охоты и все лица свиты, а граф Воронцов даже щеголял поношенностью своего костюма; элегантно, по-модному, на немецко-английский лад одевались Вел. Князя Владимир и Алексей, а так-же принц Альберт, причем Государь всегда с улыбкой посматривал на их костюмы.

Не любил Государь и активного участия дам на охоте и дамских охотничьих костюмов. Сужу об этом потому, что Государь, показывая мне сам один из альбомов Зичи, того года, в котором на охотах принимала участие Вел. Княгиня Мария Павловна, остановил мое внимание на рисунке, изображавшем Вел. Княгиню в короткой юбке и тирольской шляпе, и с усмешкой добавил: «а вы видели, как она нарядилась».

Говорили, что Государю настолько не нравились костюмы Великой Княгини и то, что она стреляла, что Он перестал приглашать ее в Спалу, почему в этом году Вел. Князь и был в Спале без жены. Думаю, что не симпатизировал Государь В. К. Марии Павловне больше потому, что она была немка и за ее склонность к Германии. Впрочем, это только мое предположение.

Как я уже сказал, Государь в душе не был охотник, но любил охоту на оленя с подъезда («Pürschen»), как я не раз от

него слышал, главным образом потому, что на этой охоте при восходе солнца он мог любоваться чудными картинами природы. На облавах он даже не всегда стрелял и я видел не раз, как он, стоя на номере, вырезал ножом фигуры и вензеля в коре деревьев и пропускал зверя без выстрела, только любуясь на него, как на картину. Зато он строго следил, чтобы другие не били молодых зверей и особенно маток, и, как говорили, иногда бывал неприятен, когда по горячке отступали от принятых правил или ему мешали. Помню, как он несколько дней оставался без выстрела и становился нетерпеливым; наконец, на одном из загонов я стоял на номере рядом с ним и видел как на него вышел чудный, старый олень, но зверь шел между деревьями, Государь поднял ружье и выжидал пока олень выйдет на чистое место, но в момент, когда зверь приблизился к поляне, на соседнем номере с другой стороны кто-то громко чихнул – олень круто повернулся и бросился в чащу. Это был единственный раз, что я видел, как Государь рассердился, и я услышал, как он громко крикнул ген. Черевину: «Петр Александрович! С насморком на охоту не ездят, а остаются дома...»

В другой раз я стоял рядом с Цесаревичем; на меня вышло два оленя – старый и молодой, я выбрал, конечно, старика, прицелился, но в момент выстрела, звери что-то почуяли и повернули, я выстрелил второпях, ошибся между деревьями и положил молодого; загонщики вытащили оленя на номере Цесаревича. Вскоре я услышал, как Государь, проходя по

линии стрелков и увидев молодого оленя на номере Наследника, стал его упрекать довольно резко за такой непопозволи- тельный промах, и как Наследник чуть не со слезами в го- лосе спешил уверить отца, что это промах не его, а соседа. Мне стало очень неловко, я пошел навстречу Государю и из- винился. «Ну вам, как новичку, это на первый раз прощает- ся, сказал мне Государь улыбаясь, но впредь, я надеюсь, вы горячиться не будете. Тем не менее вечером мы найдем вам наказание».

Мне очень везло и я взял в этот день еще одного, на этот раз чудного по рогам, старого зверя, одного из лучших за все охоты.

За обедом в Спале существовал обычай, что убивший в данный день оленя, должен был стоя и поклонившись Госу- дарю выпить до дна кубок шампанского, вмещавший $\frac{3}{4}$ бу- тылки вина, который Государь наливал сам и посылал «ви- новнику торжества». Старикам, которым вино было вредно, Государь наливал кубок далеко не полным. В этот день, когда я по ошибке убил молодого оленя и старого, Государь при- слал мне кубок два раза, сказав, что это в наказание за про- мах. Я благополучно исполнил приказание, хотя не без стра- ха, и в этот вечер с успехом играл с Государем в винт. Го- сударь с улыбкой заметил, что я приношу ему двойной убы- ток – бью молодую дичь и опорожняю его погреб.

Кстати сказать, во время болезни Государя распустили сказку, будто Государь очень любил кушать и злоупотреб-

лял вином, чем и стремились объяснить его болезнь. Должен сказать, что это совершенная неправда. Государь не был гастрономом, как его братья, и, как многие очень полные люди, для своего роста кушал скорее мало, никогда не придавая еде особенное значение; пил ли он водку за закуской – не помню, кажется нет, а если и пил, то никак не больше одной маленькой чарочки; за столом он пил больше квас, вина почти не пил, а если пил, то свой любимый напиток – русский квас пополам с шампанским и то очень умеренно; вечером ему подавали всегда графин замороженной воды, и он пил такой ледяной воды действительно очень много, всегда жалуясь на неутолимую жажду. Вообще Государь вел очень умеренный образ жизни и если чем-либо себе вредил, то это непосильной работой в ущерб сну.

В Спале Государь отдыхал; о делах и политике было принято не говорить, но, как я уже сказал, через день приезжал фельдъегерь с бумагами и в эти дни Государь и в Спале работал до глубокой ночи. О. Б. Рихтер говорил мне, что Государь поразительно добросовестно относится к делам, и как-то раз показал мне толстый портфель, который Государь в дни отъезда фельдъегерей присылал ему с готовыми резолюциями. «За много лет, что я управляю комиссией прошений на Высочайшее имя, говорил мне Рихтер, я не помню случая, чтобы посланный мною Государю с вечера портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами».

Должен сознаться, что жизнь в Спале однообразна и монотонна и давала мало пищи уму, но зато, при отличном воздухе в сосновом лесу и обычно отличной погоде в сентябре, отдых действительно был полный, причем мы весь день проводили на воздухе, хотя без достаточного движения, ибо почти не приходилось ходить. Богатейшая-же по количеству дичи и организации охота для любителей таковой исключала скуку, а редкая любезность и гостеприимство Августейших хозяев были причиной полного отсутствия всякой натянутости.

Как врачу, мне в Спале почти не приходилось функционировать, причем и в этом отношении сказывалась безграничная любезность и деликатность Государя. Как-то нездоровой почувствовала себя Вел. Княжна Ксения Александровна.

Государь до выезда на охоту послал за мной и приказал, осмотрев Вел. Княжну, доложить ему о состоянии ее здоровья. Я исполнил поручение; ничего серьезного не было, но я тем не менее предложил остаться дома и не ехать на охоту. «Что за пустяки, сказал Государь, поезжайте, если вы понадобится, то за вами пришлют, пропускать хороший день охоты не вижу причины. Я взял вас сюда для того, чтобы вы отдохнули, а не для того, чтобы ходить за больными».

Другой раз я перенес несколько неприятных минут, благодаря мало остроумной интриге одного коллеги и мало доброжелательного отношения ко мне графа Воронцова. Расскажу этот инцидент, так как он хорошо рисует характер Государя.

Как-то легко заболел ген. Рихтер, всегда страдавший старческим хроническим бронхитом, и не выехал на охоту. Рихтер лечился гомеопатами и нашу науку не признавал, поэтому я не мог предложить ему свои услуги и пошел просто навещать его, при этом я убедился, что заболевание самое безобидное, о чем и доложил Государю.

На третий день болезни Рихтера совершенно неожиданно для меня в Спале появился Алышевский, приехавший якобы для того, чтобы доложить Государю о состоянии болезни Вел. Кн. Георгия Александровича, лечением которого он руководил. Перед обедом я зашел к Рихтеру, которого нашел почти здоровым, и, выходя от него, встретил гр. Воронцова и Алышевского, шедших к нему. Дождавшись в коридоре Алышевского, я спросил его, как он нашел генерала? Он ответил, что нашел у Рихтера воспаление легких, считает положение очень опасным и не отвечает за следующий день. Я попытался возражать, указав, что температура нормальная и что самочувствие отличное. Но Алышевский, известный своей невоспитанностью и грубостью, ответил, что я, как хирург, видимо ничего не понимаю в болезнях легких и ушел, добавив, что он сегодня вечером уезжает.

После обеда я видел, как гр. Воронцов и Алышевский вошли в кабинет к Государю и, пробыв там недолго, ушли. После этого Государь вышел в гостиную и спросил меня, что с Рихтером? Я ответил, что генерал завтра собирается, с моего согласия, выехать на охоту. «Как же Алышевский толь-

ко что сказал мне, что у Рихтера воспаление легких и что он считает его положение очень опасным». Я объяснил, что остаюсь при своем мнении и что опасения Альшевского мне непонятны. Государь улыбнулся и спросил: «Хорошо, вы мне отвечаете за Рихтера?» «Отвечаю, В. В.» – ответил я. Вскоре меня позвала Императрица и сделала мне те-же вопросы. Я объяснил то же, но Она видимо не успокоилась. Я совершенно не понимал поведение Альшевского и цель всей этой комедии – ошибаться он не мог, но для чего-же он все это выдумал? Думаю, что это была чья-то попытка «подставить мне ножку». Должен признаться, что эту ночь я провел тем не менее в тревоге. Рано утром я пошел не без некоторого страха к Рихтеру и застал его на ногах – он собирался ехать на охоту. Когда Государь, выйдя на крыльцо, чтобы садиться в экипаж, увидел Рихтера, который заявил ему, что он совершенно поправился, он только многозначительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Этим инцидент и закончился, но никто со мной больше о нем не говорил. Меня удивило, что ни единого слова ни вечером, ни на другое утро не сказал мне гр. Воронцов. От всяких заключений я воздерживаюсь, но напомним, что Альшевский был домашний врач и близкий человек гр. Воронцова, что он был ученик С. П. Боткина и самый ярый враг так называемой немецкой партии, о чем я говорил в начале этих воспоминаний.

В конце пребывания Государя в Спале в одно из воскресений охота была отменена и все загонщики – крестьяне со-

седних деревень – в числе нескольких сотен человек с их женами были приглашены на угощение в усадьбу. На площадке перед домом были накрыты длинные столы, уставленные яствами, Государь с Императрицей обходил гостей, долго дружески с ними беседовал и благодарил за оказанные ими во время охоты услуги.

В конце сентября мы переехали из Спалы в Скерневицы, где дня 3–4 происходили охоты на зайцев, коз и фазанов. Охоты эти были действительно выдающиеся по количеству дичи, припоминаю, что в один из этих дней было взято больше тысячи штук дичи, из числа коей около 500 зайцев.

В Скерневицы приезжали П. С. Ванновский, генерал Гурко с супругой и другие лица из Варшавы на большой обед. Около 1 октября мы через Варшаву, где Государь на вокзале принял представителей варшавской администрации и польской знати, вернулись в Гатчину, а я отпущен был в Петербург к своей обычной деятельности.

VII. Гатчина

Всю позднюю осень и первую половину зимы Государь с Семейей обычно проводил в Гатчине, а к новому году переезжал в Петербург в Аничков Дворец, посещая Зимний Дворец лишь в дни выходов, балов и торжественных приемов.

Зимой 1892/93 г. меня несколько раз приглашали в Гатчину по разным случаям и не раз оставляли к завтраку; два раза я был приглашен туда на охоту и бывал там с поздравлением в дни семейных праздников, хотя никакого служебного положения при Дворе не занимал; при этом я имел возможность ближе ознакомиться с жизнью Царской Семейи в Гатчине.

Известно, что Государь Александр III и Императрица Мария Федоровна почему-то любили для жилья маленькие и низенькие комнаты, а большими пользовались только для официальных приемов. Так в Гатчинском Дворце Царская Семейя занимала в «арсенальном каре» так называемый антресоль, помещение между нижним этажом и бельэтажем. Комнаты там были расположены подряд вдоль узкого, низкого и полутемного коридора и выходили окнами частью в парк, частью на большой двор. Сами комнаты были маленькие, как коробки, и очень низкие, я думаю, не выше 3½ аршин. Из комнат, которые я знал, могу назвать очень небольшую столовую, служившую одновременно и приемной, нале-

во – рабочий кабинет Государя, направо – гостиная, она же и кабинет Императрицы, всегда наполненная чудными цветами, и за ней спальня; в остальных комнатах помещались дети. В этом помещении происходили семейные завтраки и Императрица принимала только самых интимных посетителей, официальные приемы происходили в нижнем этаже. Где официально принимал Государь, я не знаю, но работал он в своем маленьком кабинете в антресоле.

Из придворных и свиты, кроме фрейлин графинь Кутузовых и Е. С. Озеровой, в Гатчине постоянно жили только ген. – ад. Черевин (дежурный генерал и по этой должности начальник охраны), его помощник ген. П. П. Гессе, командир сводного гвардейского полка фл. – ад. С. С. Озеров, другие чины охраны, Г. И. Гириш и воспитатели Августейших детей. Даже Гофмаршал бывал наездами. Кроме того в «Егерской слободе» зимой жил начальник Императорской Охоты ген. – ад. Д. Б. Голицын с семьей и ловчий Государя Диц.

Фрейлины помещались в нижнем этаже «арсенального каре», все остальные как живущие, так и часто приезжавшие, имели свои квартиры в так назыв. «кухонном каре»; там же было и помещение дежурного флигель-адъютанта и столовая для приезжавших. П. Л. Черевин занимал 3–4 комнаты, рядом со своей канцелярией, ведавшей охраной, и пользовался особыми правами – ему полагался в его квартире стол от Двора на то число персон, которое он указывал. Все приезжавшие в Гатчину с докладами и делами обычно заходили

к Черевину и некоторые оставались у него, по его приглашению к завтраку. Поэтому с 10 ч. утра и до 3-х у П. Л. Черевина бывал целый раут и здесь часто решались наиболее серьезные государственные дела, так как П. Л. Черевин был очень близок к Государю и всегда имел к Нему доступ без доклада.

Государь и его семья жили в Гатчине очень уединенно. Из чужих в Гатчине очень часто и подолгу живал в качестве гостя и друга только один П. В. Жуковский, сын нашего знаменитого поэта и воспитателя Александра П., – человек свободный, не занимавший никакого придворного или служебного положения, художник, которого звали другом Государя.

Утром Государь принимал представляющихся и доклады министров; Императрица в известные дни принимала доклады Своего Секретаря, главноуправляющего ведомством Императрицы Марии, председателя главного правления Р. О. Кр. Креста, начальниц институтов, представляющихся и немногих городских дам. Около часу Семья собиралась к завтраку в маленькой столовой в антресоле, к которому приглашался ежедневно Жуковский и по очереди очень немногие из министров, имевших доклад в этот день и немногие из придворных.

Из лиц, живших в Гатчине, к завтраку никто не приглашался; очень часто за завтраком, кроме Царской Семьи, присутствовал один П. В. Жуковский. В те немногие дни, когда я достаивался приглашения, я там из чужих, кроме Жуков-

ского, никого не видел. После завтрака Государь закуривал большую сигару и пил кофе в гостиной Императрицы. Затем Государь проводил часа два на воздухе, большею частью в парке, а с наступлением темноты ежедневно садился за работу. О дальнейшем препровождении времени я мало знаю, так как никогда вечером в Гатчине не бывал. Знаю, что к обеду по очереди приглашались лица свиты, жившие в Гатчине, и иногда немногие гости из Петербурга. Гостить на несколько дней приезжали в Гатчину граф и графиня Воронцовы, при жизни князя В. С. Оболенского, он и его жена, В. А. Шереметев с женой и, кажется, больше никто. Знаю со слов Императрицы, что Государь вечером часов с 9 уходил к себе в кабинет и работал до 2–3 часов ночи и приходил в спальню, когда Императрица давно спала.

По воскресеньям и праздникам все жившие в Гатчине и некоторые из более близких придворных, приезжавших из города, присутствовали в дворцовой церкви на обедне, а потом приглашались к завтраку, который происходил в «арсенальной зале»; в эти дни к завтраку приглашались все офицеры сводного полка и конвоя, а так-же представители гатчинского гарнизона и управления городом, дворцом и охотой. За завтраком обыкновенно играл придворный оркестр, причем программа составлялась по выбору Императрицы.

От времени до времени в Гатчине бывали и охоты, очень обильные дичью, но убитая дичь, на иностранный лад, охотникам не выдавалась. Иногда Государь ездил на охоту один,

в сопровождении Кн. Голицына и Дица. Особенно Государь любил колоть ночью рыбу в прорубях на Гатчинских прудах, очень рыбных. На эту рыбную ловлю Государь уходил один ночью, по окончании своей работы, и проводил 2–3 часа только в сообществе одного или двух матросов. Как мне говорили особенно любил Государь общество детей и весной нередко после завтрака на большой линейке уезжал с гурьбой детей своих и приглашенных в чудный Гатчинский парк и там играл и «возился» с ними. По-видимому, он мало уважал человечество, слишком хорошо зная его лживость и фальшь и находил, что действительно отдохнуть нравственно можно только в сообществе еще чистых детских душ – это было для него очень характерно.

В общем Государь Александр III жил в Гатчине жизнью богатого помещика и очень любил заниматься местными хозяйственными вопросами и много делал для благоустройства Гатчинской вотчины. Петербург с его бюрократией он очень не любил и не раз говорил мне, что смотрит на поездки в Петербург и пребывание там, как на исполнение тяжелой и неприятной обязанности. Он очень не любил торжественности, помпы и парадов в широком смысле этого слова, но исполнял все, что полагалось по этикету, никогда не показывая, что ему скучно и противно; такой-же в этом отношении была и Императрица, которая многократно говорила мне, что для монархов не существует усталости.

VIII. Первая болезнь Государя

15/1 1894 г. я неожиданно был вызван Императрицей к 5 час. вечера в Аничков Дворец, где тогда жил Государь. Приехав, я узнал уже в швейцарской, что Государь болен и лежит. Императрица приняла меня в своей уборной-будуаре наверху. Как в Гатчине, так и в Аничковом Дворце царская чета жила в маленьких и низких комнатах в 3 этаже, окнами на Невский и в сад. Здесь были: спальня, уборная-будуар Императрицы (угловая комната), рабочий кабинет Государя, шкапные и помещения для личной прислуги. Столовая, большой кабинет Государя и все приемные комнаты были в бель-этаже. Наверху Императрица принимала только наиболее близких лиц. Я застал ее очень озабоченной и огорченной. Она сообщила мне, что Государь простудился и уже несколько дней чувствовал себя нездоровым; вчера Ему стало хуже, поднялась температура и усилился кашель. Гирш видел Его и сказал, что это инфлюенца, но что возможно начало воспаления легких; государь Гиршу не доверяет, очень ослаб, но никого из других врачей не желает видеть, так как вообще не любит чужих людей в своей интимной жизни; однако меня Он, по настоянию Императрицы, согласился принять.

В момент моего приезда Государь заснул и потому Императрица просила меня приехать вторично вечером к 9 ча-

сам. Из Дворца я поехал по своим делам, но на углу Морской и Невского кто-то меня окликнул; оказалось, что это Г. И. Гирш. Я вышел из саней и подошел к нему. Он очень важно и таинственно сообщил мне о болезни Государя и что возможно воспаление легких, что брать ответственность на себя одного он не желает и поэтому уговорил Императрицу пригласить меня и вот теперь он просит меня приехать на консультацию с ним около 8—9 час. вечера. Я сказал ему, что только был у Императрицы и все уже знаю. Добрейший старик сначала было удивился, но спохватился и, придерживаясь своей системы, выразил только свою радость, что Императрица послушала его совета.

Вечером я застал во Дворце наверху уже много народа, приехавшего справиться о состоянии здоровья Государя; здесь были граф и графиня Воронцовы, кн. Оболенская, Великие Князья и мн. друг. Чувствовалось всеобщее беспокойство. Государь принял меня очень приветливо и, не без противодействия, разрешил себя выслушать, хотя точно исследовать Его сердце нам не удалось. Мы с Гиршем нашли, при очень высокой температуре, гриппозное воспалительное гнездо в легком, о чем я и доложил Императрице и министру двора. Ввиду тучности ассистента и сестры, исполняющих лишь предписания специалиста; Зазнать серьезным, хотя и не опасным. Я объяснил Императрице, что всем покажется странным, когда узнают, что в столице воспаление легких у Государя Императора лечат два хирурга и что необходимо

призвать авторитетного терапевта (С. П. Боткина уже не было в живых). Императрица пошла к Государю, но скоро вернулась и объявила мне, что Государь сердится и ничего не желает слушать о приглашении еще врачей, так как вполне доверяет мне. Было решено подождать до следующего дня и мне попытаться уговорить больного.

Я отлично понимал, как ополчатся на меня все коллеги и мои приятели из числа придворных и публики, если я останусь единственным консультантом Гирша, особенно, если в течении болезни Государя наступит какое-либо осложнение; да и я сам не считал себя компетентным в чисто терапевтическом случае. Все это я старался высказать окружающим, а Государыне пояснил, что могу ухаживать за больным, быть свидетелем, как доверенное лицо, всех действий врачей, но брать на себя ответственности я не могу и не имею права, но все это не помогало. Граф Воронцов был, очевидно, недоволен и озабочен происходившим, а это для меня не обещало ничего доброго, но при всем желании я ничего сделать не мог.

Императрица пожелала, чтобы я остался во Дворце на ночь и с этого дня до выздоровления Государя я был при нем в качестве постоянного дежурного, Ночевал я в шкапной комнате, где днем находилась дежурная камер-юнгфера Императрицы; однако, ночью меня к Государю не звали. Утром положение больного было без перемен. Часов в 10 приехал граф Воронцов, и мы узнали новость, которая меня очень по-

радовала, но которая обрисовала отношение министра двора к Гиршу и ко мне. Еще с вечера граф Воронцов, не посоветовавшись с нами, тайно от всех вызвал из Москвы проф. Г. А. Захарьина якобы для себя, и он должен был приехать около 11 часов с курьерским поездом. Было решено сказать Государю, что Захарьин оказался случайно в Петербурге и что вся Семья желала-бы, чтобы он осмотрел Государя. Эту миссию взяла на себя Императрица, но не без некоторой робости. Это показывает, как, несмотря на беспредельную доброту и деликатность Государя, боялись сделать что-либо ему нежелательное. Государь рассердился, но уступил.

Приехал Захарьин около 12 часов и, выслушав наше мнение, прямо прошел со мною к Государю. Исследовать больного ему удалось лишь поверхностно, ибо Государь этому исследованию не способствовал. В результате Захарьин присоединился к нашему диагнозу, несколько преувеличил серьезность положения и назначил лечение, которое Государь, к моему удивлению, согласился выполнить и действительно выполнял под моим наблюдением.

С Гиршем Захарьин почти не считался. Я объяснил Захарьину, как бывшему моему учителю, как я смотрю на свою роль – как лицо, не неприятное Государю, которому Он доверяет, как врачу вообще, я могу взять на себя обязанности ассистента и сестры, исполняющих лишь предписания специалиста; Захарьин меня понял, и у нас с ним установились вполне корректные отношения, что, однако, почему-то

не вполне соответствовало желаниям Министра двора, который не скрывал, что считает мое участие в лечении Государя излишним.

Сначала Захарьин, не ознакомившись с новой для него атмосферой, держал себя скромно, но постепенно освоился и пустил в ход все свои чудачества, которые так способствовали его популярности в московском купечестве. Он начал с того, что попросил себе отдельную комнату наверху, чтобы быть ближе И больному, и испросил себе разрешение пользоваться внутренним личным лифтом Императрицы, ссылаясь на невозможность ходить по лестницам вследствие невралгии в ноге, – что граф Воронцов ему и устроил, а кончил тем, что приказал прислуге расставить по коридору венские стулья (именно венские), на каждый из которых он для отдыха на минуту садился, проходя по коридору, и надел вместо сапог валенки, в которых в тот-же вечер пошел к Государю. Историю со стульями Государю рассказали, чему Он посмеялся, а по отношению к валенкам гр. Воронцов – не знаю по собственному ли почину или по приказанию свыше – указал Захарьину, что ходить в валенках, как в туфлях, в дворце, да еще при Императрице, не принято, и он это бросил. Государю и Императрице Захарьин и его чудачества не понравились, но своим уверенным тоном и своей самобытностью он все-же произвел на Государя известное впечатление. Возненавидела Захарьина почему-то прислуга, вероятно за его грубое обращение с ней, и позже, в Беловеже, прозвала его

«зубром» – прозвище, которое за ним так и осталось. Граф Воронцов, всегда принимавший в людях самоуверенность и невоспитанность за откровенность и «простоту», несомненно восчувствовал к Захарьину не малую долю уважения и только гораздо позже раскусил этого умного, но большого фокусника.

Не обходилось с Захарьиным и без комических инцидентов. Припоминаю, как мы врачи с Министром двора сидели у Захарьина в комнате и беседовали; вошел Вел. Кн. Михаил Николаевич, чтобы узнать о состоянии Государя; все мы встали; Вел. Князь стоя обратился с вопросами к Захарьину, последний вместо ответа сказал Вел. Князю: «я человек больной и стоять не могу, разрешите мне, Ваше Высочество, сесть и сидя дать вам объяснения». Вел. Князь, привычный к старому николаевскому режиму, видимо нашел выходку Захарьина слишком фамильярной и очень резко сказал ему: «ну, нет, профессор, прежде я посижу, а потом уже вы»; с этими словами Вел. Князь сел и попросил всех остальных сделать то же, что мы и сделали, но Захарьин так опешил, что остался стоять один, руки по швам, все время пока Вел. Князь был в комнате и стал запинаясь давать ему объяснения. Вел. Князь не повторил приглашения сесть, продержал Захарьина стоя довольно долго и уходя сказал ему: «кажется, вы, слава Богу, не так больны, как вы думаете», а, обращаясь ко мне, вполголоса добавил: «впредь будет помнить».

Течение болезни Государя шло вполне нормально, но уже

на второй день в городе стали рассказывать невероятные небылицы, а наши коллеги, не зная еще о приезде Захарьина, не скупились сплетнями на мой счет, указывая, что жизнь Государя, заболевшего якобы какой-то тяжелой и сложной внутренней болезнью, находится в руках мало авторитетного Гирша и молодого военного хирурга. Поэтому по моему предложению было решено выпускать бюллетени, кои должны были составляться под личным руководством Министра двора и за его подписью.

После того, как Захарьин поселился наверху, мне отвели помещение в нижнем этаже, на так называемой фрейлинской половине, окнами на Невский, рядом с воротами, где я и прожил все время болезни Государя.

При составлении первого бюллетеня Гр. Воронцов начал совещание в моем отсутствии на пол-часа раньше назначенного времени. Когда я пришел, бюллетень был уже подписан, и граф собирался уже послать его в печать. Я попросил дать мне бюллетень для прочтения и подписи, но граф заявил, что навряд-ли подпись моя, как хирурга, нужна. Я ответил, что я прежде всего врач, по воле Государя участвующий в Его лечении, о чем в городе многие знают, а поэтому я буду принужден просить об увольнении меня, если мне будет отказано в праве подписывать бюллетени. С этими словами я, не дожидаясь ответа, взял бюллетень и подписал его. Граф был видимо очень недоволен, но не нашел возможным возражать. Я невольно вспомнил инцидент в Спале с Рихтером

и Альшевым.

Государь поправился приблизительно к 25/1, но еще долго чувствовал слабость и разбитость, но при первой возможности стал работать в своем кабинете, несмотря на наши просьбы дать себе отдых. Помню, как я, будучи как-то в кабинете, стал убеждать Государя не начинать работать, но Он, указав мне на диван, на котором от одной ручки до другой лежали кипы папок с делами, сказал: «Вот посмотрите, что здесь накопилось за несколько дней моей болезни; все это ждет моего рассмотрения и резолюций; если я запущу дела еще несколько дней, то я не буду уже в состоянии справиться с текущей работой и нагнать пропущенное. Для меня отдыха быть не может».

Я в первый раз за эту болезнь Государя имел случай ближе ознакомиться с Его организмом и, ввиду массы беспочвенных рассказов и сплетен о Его болезни, могу сказать следующее: Государь Александр Третий, как и его братья Владимир и Алексей Александровичи, тоже бывшие моими пациентами, был типичный наследственный артритик с резкой склонностью к тучности. Как я уже сказал, образ жизни Он вел очень умеренный, и все рассказы по этому поводу – басни. Если что-либо и можно было этому образу жизни поставить в упрек, то это следующее: во 1-х, всегда пранный поварской стол, который мог способствовать развитию подагрической почвы, во 2-х, слишком большое количество физического труда из желания бороться с тучностью (Государь

ради этого пилил и рубил дрова), что переутомляло сердце; в 3-х, слишком большое поглощение жидкости в виде кваса и воды; в 4-х, курение больших и крепких гаванских сигар, кроме массы папирос; наконец, в 5-х, психическое переутомление, отчасти от постоянного скрытого душевного волнения, отчасти от непосильной работы по ночам. При всем этом Государь никогда не подвергался лечению водами и хотя бы временно-противоподагрическому режиму. Смертельная болезнь, поразившая Его осенью того-же года, не была-бы неожиданностью, если-бы врачи-терапевты не просмотрели-бы у Государя громадное увеличение сердца (гипертрофия), найденное на вскрытии. Этот промах, сделанный Захарьиным, а потом и Leyden'ом объясняется тем, что Государь никогда не допускал тщательного исследования себя и раздражался, если оно затягивалось, поэтому профессора-терапевты всегда исследовали Его очень поспешно. Конечно, если-бы мы и знали в каком состоянии сердце Государя, то мы могли-бы, может быть, при помощи соответственного режима, оттянуть печальный исход на несколько месяцев, особенно при неуклонном желании Государя не оставлять работы, которая при его добросовестности и характере Его способностей требовала неимоверного напряжения нервной системы.

Проживая в Аничковом Дворце, я мог наблюдать, как публика вообще и простой народ в особенности относились к болезни Государя, который, как мы сейчас увидим, бес-

спорно пользовался популярностью и любовью своего народа. С того момента, как столица узнала о болезни Царя, перед Аничковым Дворцом собирались кучки людей, желавших узнать новости, а при появлении нового бюллетеня у ворот, перед ним набиралась многолюдная толпа. Стоя иногда у окон моего помещения, выходявшего на Невский, я многократно видел, как проходившие простолюдины набожно снимали шапки и крестились; некоторые останавливались и, повернувшись лицом к Дворцу, с обнаженными головами горячо молились, видимо, за здоровье Царя. Подчеркиваю, что это происходило за 11 лет до революции 1905 г. и за 23 до большой революции!..

26/1 Государь настолько поправился, что в этот день утром врачей больше не принял. По случаю (семейного праздника) в этот день в Дворце был завтрак с приглашенными, но в отсутствии Государя; после завтрака гр. Воронцов пригласил Захарьина к Государю и понес с собой пакет с каким-то орде- ном, о чем можно было судить по форме пакета. Вскоре Захарьин вернулся и объявил мне, что Государь его отпустил, наградил звездой Владимира 2 степени (это был первый орден Захарьина) и что сегодня вечером он уезжает в Москву.

Поняв, что Государь считает себя здоровым и посещение Его врачами излишним, я спросил Министра двора, как мне быть? – оставаться ли во Дворце и выжидать приказания или считать себя свободным? Граф мне сказал, что Государь больше во врачах не нуждается, отпускает их, а следователь-

но и я должен считать себя отпущенным и посещать больше Дворца не должен. Я счел слова Министра за передачу приказа Государя и так, конечно, и поступил. В следующие дни я ничего о состоянии здоровья Государя не знал, но имел основание думать, что все обстоит благополучно, так как узнал, что придворные балы не отменены. Должен признаться, что положение мое было не из приятных – после самого лучшего отношения ко мне Царской Четы это увольнение через Министра двора, при редкой деликатности Государя, казалось мне довольно странным; со мной даже не пожелали проститься и сказать мне спасибо на 10-дневное бесменное дежурство при Государе Императоре. Все это указывало на какое-то недовольство мною и на желание это подчеркнуть. Многие товарищи, очень интересовавшиеся моей дальнейшею участью, не скрывали своего удовольствия и, зная, что моя близость к Царской Чете прекратилась, намеренно допрашивали меня о здоровье Государя, ехидно удивляясь, что я ничего не знаю и что, видимо, доступ к Государю для меня закрыт. Сплетен и иронических намеков было достаточно; но я, не чувствуя за собой никакой вины и искренно веря в Государя, пришел к заключению, что причина всему чья-то интрига и спокойно выжидал дальнейшее. Оказалось, что я не ошибся.

Не имея никакого права бывать на официальных приемах при дворе, я, однако, получил приглашение на большой бал и на один из концертных, на которые списки приглашенных

составлялись с ведома и разрешения Императрицы.

На большом балу я за ужином занял себе место в последней зале, где ужинали самые младшие чины. Среди ужина в залу вошел Государь, обходивший по обычаю все залы; за Ним шел в нескольких шагах Министр двора. Все встали и повернулись лицом к Государю. Он приказал всем сесть, но, увидав меня, через всю залу подошел прямо ко мне: «Что с вами случилось? – спросил Он меня – куда вы вдруг исчезли? Я вас так и не видел с отъезда Захарьина и не мог ни с нами проститься, ни вас поблагодарить за ваш уход за мной. Почему вы так неожиданно пропали?» Я громко ответил, что в день отъезда Захарьина получил распоряжение Министра двора больше во Дворец не приезжать. Государь повернулся и многозначительно посмотрел на гр. Воронцова, но ничего не сказал ому. «Во всяком случае очень рад, что встретил вас и могу вас поблагодарить за ваши хлопоты обо мне. Надеюсь, еще увидимся».

Через день после бала я был вызван к Императрице к 12 ½ час. утра. Она приняла меня в своей парадной гостиной и задала мне те же вопросы, что и Государь на балу. Я сказал ей, как было дело. Она высказала сожаление, что все так случилось, и тоже выразила свою благодарность. При этом Императрица сказала мне, что очень беспокоится за Государя, так как Он после болезни еще слаб и легко устает, хотя не желает этого показывать и по обыкновению работает. Вскоре в гостиную пришел Государь и пригласил меня завтракать. Кро-

ме детей и одной гостьи г-жи Козен, бывшей фрейлины Императрицы, за завтраком никого чужого не было. Я сидел на почетном месте рядом с Императрицей, которая, как и Государь, была со мной демонстративно любезна, видимо желая показать, что в инциденте с моим исчезновением причина не в Них. Кофе пили и курили в большом кабинете Государя – это угловая комната бель-этажа, выходящая окнами на Невский и в сад. К сожалению, я не помню, о чем говорили за завтраком в этот день, но помню, что Государь был очень в духе и много шутил. При прощании Вел. Княжна Ксения Александровна сказала мне в полголоса: «Надеюсь, что мы теперь будем вас видеть. Папа очень рад, что эта противная интрига выяснилась».

Однако моя маленькая персона продолжала беспокоить моих недругов, и интриги видимо продолжались.

Последним придворным балом сезона бывал небольшой бал в Аничковом Дворце на масленице. На этот бал приглашения рассылались уже специально по указаниям Императрицы – приглашались почти исключительно танцующие и лишь лица ближайшей свиты Государя и еще очень немногие избранные. Быть приглашенным на Аничковский бал считалось особой честью, так как это был не официальный придворный прием, а так сказать частный бал у Государя для лиц, коих Он считал своими знакомыми или близкими Емю лицами. К большому моему удивлению на этот бал получил

приглашение и я. Здесь был «fine fleur»¹⁰ родовитого петербургского общества. Танцевала и Императрица. Во время мазурки, когда все танцующие сидели вокруг залы, а не танцующие толпились вокруг, Императрица послала за мной; я через всю залу пошел к ней; Она встала и пошла мне навстречу, остановилась посреди залы и довольно долго беседовала со мной; по обычаю все танцующие должны были встать, пока стояла Императрица и так стоя ждали окончания Ее разговора со мной. Предмет разговора был самый незначительный и неинтересный – было ясно, что Она этим желала показать, кому нужно, свое благожелательное отношение ко мне и то, что против меня интриговать не стоит. Особенно любезен был в этот вечер со мною Государь, несколько раз подходивший ко мне и подолгу со мной беседовавший. Эффект получился полный и этот вечер надежно забронировал меня от попыток некоторых (лиц) отстранить меня от Государя.

Рассказываю это потому, что оно характеризует в известной мере отношение Государя к лицам, коих Он и Императрица желали отличить и приблизить к себе. Государь отлично понимал, как трудно приходится жить тем, кого Он приближал к себе и кому Он доверял, до тех пор пока люди не поймут, что бороться не стоит, и Он с замечательной выдержкой и спокойствием умел парализовать придворные интриги и проводить даже в мелочах свою неуклонную волю, а

¹⁰ Здесь: цвет (*фр.*).

так-же поддерживать тех, кого Он считал того достойными.

IX. Перемены в моем служебном положении

В Петербурге существовал так называвшийся Дамский Комитет Рос. Об. Красного Креста, основанный во время Турецкой войны 1877/78 гг. статс-дамой Мальцевой под непосредственным руководством и покровительством Императрицы Марии Александровны. По мысли И. В. Бертенсона (дяди известного петербургского врача Л. Б. Бертенсона) этим комитетом был устроен образцовый в свое время барачный лазарет и, при нем, школа фельдшерниц и лекарственных помощниц. После смерти Императрицы Марии Александровны Цесаревич Александр Александрович принял покровительство над этим учреждением на себя и оставил таковое за собой и по восшествии на престол. Со временем эта маленькая школа постепенно преобразилась; после закрытия женских курсов при Николаевском военном госпитале И. В. Бертенсон расширил программу школы фельдшерниц до 4-х курсов, ввел прием в школу только лиц, окончивших гимназию, улучшил состав преподавателей, пригласив в число их некоторых профессоров, исходатайствовал право окончившим это учебное заведение носить звание «лекарских помощниц» и таким образом создал своего рода суррогат Женского Медицинского Института. В принципе мысль

Бертенсона не выдерживала строгой критики, ибо его учреждение не могло давать высшее образование, но по возможности приближало программы и преподавание к медицинским факультетам и этим создавало особую категорию лиц, получивших псевдо-высшее медицинское образование, но не без некоторых претензий на таковое, и способствовало так называемому «фельдшеризму», с которым и тогда боролся весь врачебный мир. Однако, по тогдашнему положению вопроса о высшем женском образовании в России школа Бертенсона, может быть, была и современной, так как она служила известного рода выходом для той большой группы русских девушек, стремившихся у нас к медицинскому образованию, и отвлекала многих от поступления на медицинские факультеты за границей. В виду большого наплыва желавших поступить в эту школу, принимались туда лица только по конкурсу гимназических аттестатов и в конце концов попадали только медалистки. Таким образом в школе постепенно создавался очень интеллигентный и отчасти идейный состав учениц, считавших себя конечно слушательницами высшего учебного заведения и примыкавших к семье студенчества, а следовательно подчас и соответственно бурливших. И. В. Бертенсон старался умерить разные поползновения слушательниц железной дисциплиной, общежитием, обязательной формой вроде сестринского костюма и т. п., но все это мало достигало цели и не удаляло слушательниц от либерально настроенного студенчества. Спасали школу только

ум и большой педагогический такт ее директора И. В. Бертенсона, но в 1894 г. он стал болеть, принужден был несколько отстраниться от дела управления школой, и в настроении учащихся началось брожение, сильно беспокоившее управлявший ею Дамский Комитет. Я лет семь состоял там преподавателем теоретической хирургии и пользовался, как благосклонным отношением ко мне директора, так и учениц. Весной 1894 г. И. В. Бертенсон, будучи уже серьезно больным, не мог справляться с своими нелегкими обязанностями и подал в отставку. Приближалось время выпуска и экзаменов, школа осталась без директора, должность председательницы Дамского Комитета была тоже не замещена, учащаяся молодежь бурлила, и Комитет был очень озабочен дальнейшим будущим учреждения. Государь, как известно, не сочувствовавший высшему, особенно медицинскому, образованию женщин, симпатизировал школе лекарских помощниц, в действительности подготовлявшей низший медицинский персонал, интересовался ею и потому для благополучия школы было очень важно охранить ее от всякого рода волнений на политической или quasi-политической почве.

В один прекрасный день ко мне совершенно неожиданно заехал исполняющий должность председателя Дамского Комитета бар. М. Н. Корф (более известный в Петербурге по своей должности Петергофского предводителя) и предложил мне от имени Комитета занять место директора Рождественского барачного лазарета и школы лекарских помощ-

ниц. В то время, помимо должности старшего врача лб. гв. Семеновского полка, я по Красному Кресту занимал должности главного врача Крестовоздвиженской Общины сестер милосердия и директора Максимилиановской лечебницы, причем в этих двух учреждениях был занят их реорганизацией. Я ответил барону Корфу, что своих учреждений Красного Креста я бросить не желаю и не могу, что мог-бы пожертвовать своей военной службой, но во всяком случае совмещать три должности по Красному Кресту я, без согласия Августейшей покровительницы Красного Креста, не считаю себя в праве и поэтому прошу несколько времени, чтобы обдумать сделанное мне предложение. Кроме того я знал, что кандидатом на предложенную мне должность считал себя Л. Б. Бертенсон, да и многие другие, я был с Бертенсоном в хороших отношениях и мне не хотелось быть ему неприятным. Я сказал бар. Корфу, что у меня и без того много завистников и что назначение меня директором школы не прибавит мне друзей. Корф согласился подождать моего окончательного решения, но очень просил меня принять его предложение.

Через несколько дней меня вызвала в обычное время перед завтраком Императрица и спросила меня, согласен ли я принять должность директора школы. Я изложил Ей те обстоятельства, которые меня смущали. Во время нашего разговора пришел Государь. Императрица сказала ему: «Вельминов затрудняется дать свое согласие, потому что это вызо-

вет неудовольствие в других». Я поспешил изложить Государю подробно все свои сомнения. «В Рождественской школе, которую я очень люблю в память моей матушки и которую считаю во многих отношениях очень полезной, – сказал Государь, – в последнее время заметно нежелательное направление молодежи; последнюю я в этом не виню, а полагаю, что там нет настоящего хозяина и нужного руководства. Зная вас, я не сомневаюсь, что вы с тактом сумеете взяться за воспитание молодежи и ввести там должный порядок, которого там за последнее время нет. Молодежь любит определенных и прямых людей. Вы мне там нужны. Я знаю, что ваши коллеги будут недовольны, но как я к этому отношусь, служит вот эта памятная записка». С этими словами Государь передал мне листок бумаги и добавил: «Прочитайте». В записке, написанной на машинке, без подписи было изложено, что я занимаю три должности, что получаю по всем трем содержание и имею право на три казенные квартиры и т. п. «Ну, что вы скажете?» спросил Государь. «Все это правда», – ответил я, – «но ни одной квартирой я не пользуюсь и отдаю их другим, а квартирные деньги представляют меньше половины того, что я за таковую плачу. Все содержание вместе, мною получаемое, составляет 7400 руб. в год, но ведь я, благодаря службе, теряю большую долю заработка от частной практики. Вы видите, Ваше Величество, какая травля уже идет против меня за Ваше милостивое отношение ко мне, если-же я буду назначен на должность директора школы, то

меня мои недруги проглотят живьем...» – Кончил я, волнуясь. «Ну, и подавятся мною, – кажется, есть чем», – ответил Государь, смеясь. Я указал еще, что кандидатом на эту должность считается Л. Б. Бертенсон. «Рождественская школа не майорат семьи Бертенсонов», – сказал Государь, – «вы можете бросить службу в Семеновском полку, где вы не нужны, а остальное – дело мое и Императрицы. Я вашего отказа не принимаю. Это мое желание и не стоит больше об этом говорить. Пойдем завтракать», – окончил Государь этот разговор. За завтраком, за которым никого чужого не было, Государь между прочим говорил о медицинском образовании женщин. «Ко мне все пристают с открытием медицинского института для женщин. Я совершенно не оспариваю, для женщин изучение медицины вполне доступно, хотя я не верю, чтобы из женщин вышли ученые, но наши медицинские школы, особенно академия, представляют собой рассадники нигилизма, а нигилизм развращает женщину, и она перестает быть женщиной, а такие существа мне противны». Я рассказал, что был ассистентом клиники на женских врачебных курсах и что там, если и были «нигилистки», как их понимали в 60-х и 70-х годах, то это были исключения, ибо «нигилизм» уже отжил свое время. Государь слушал, не возражал, но чувствовалось, что переубедить Его нельзя, настолько сильно было влияние на Него 70-х годов и убеждение, что каждая женщина, занимающаяся анатомией и вскрытием трупов, непременно «нигилистка» в том смыс-

ле, как изобразил студента-нигилиста Тургенев в лице Базарова.

Чтобы понять представление Государя о развращенности женщины, надо знать, что Он был удивительно целомудрен до своей смерти – до женитьбы Он был чист, как девушка, (так утверждали самые близкие к нему люди), а сам Он был так стыдлив, что не любил чужих Ему врачей только потому, что чувствовал непреодолимую стыдливость, когда Ему приходилось обнажаться для исследования при чужих. Его чистота доходила до наивности и до чистоты малого ребенка, вот почему Он на многое смотрел под особым углом зрения, совершенно недоступном большинству. Это было странно, но это было так, в чем я лично имел случай не раз убеждаться.

Таким образом, во исполнение воли Государя, я принял должность директора школы лекарских помощниц и вышел из военного ведомства, а на Пасху был пожалован в звание почетного лейб-хирурга и вскоре, для сохранения военной формы и прав на эмеритуру, зачислен в императорскую Главную Квартуру. Это последнее назначение было особой милостью Государя, так как в то время причисление врача к военной свите Государя было большою честью и я был всего четвертый врач, числившийся в Главной Квартуре со времени ее основания – до меня там числились только баронет Виллие при Александре I, Карель – при Александре II и Гириш – при Александре III. При Николае II звание лейб-

медика в значительной мере потеряло свое значение, так как давалось очень широко и без строгого разбора, а в Главную Квартину были зачислены Е. В. Павлов и Л. Б. Бертенсон, не имевшие никакого отношения к большому двору и никогда при Государе не состоявшие.

Х. Командировка в Киев. Начало болезни государя

Все лето 1894 г. я Государя не видел, но слышал, что Он чувствует себя нездоровым и что Гирш будто-бы констатировал признаки хронического поражения почек, вследствие чего Высочайшее пребывание в Красном Селе и маневры были сокращены.

2-го августа я получил телеграмму от Принца Александра Петровича Ольденбургского, в которой он сообщал мне Высочайшее повеление сопровождать Его в Киев для присутствия на операции Вел. Княгине Александре Петровне, сестре Принца и матери В. К. Николая Николаевича, жившей постоянно в Киеве в основанном ею там монастыре. Экстренный поезд отходил 3 авг. вечером; в нем поехали В. К. Николай Николаевич, Принцы Александр и Константин Петровичи и я.

Великая Княгиня уже раз была оперирована, а теперь нужна была вторая операция, которую должен был делать киевский профессор Ф. К. Борнгаупт. По словам Принца Александра Петровича, я должен был присутствовать при операции по желанию Государя и доложить Ему о состоянии больной. Думаю, однако, что посылал меня Государь по просьбе самой больной или по каким-то другим соображениям.

Прибыли мы в Киев 5 авг. в 6 час. утра, а в 9 часов была назначена операция.

Великой Княгини я раньше не знал, но конечно знал о ней многое по рассказам. Прежде всего она имела репутацию личности несколько странной и очень оригинальной. Она была всегда очень некрасива, не представительна и очень несчастна в семейной жизни, так как ее муж, В. К. Николай Николаевич старший, совершенно открыто завел себе другую семью на стороне. Вел. Княгиня долго терпела, но когда ее сыновья подросли, она не выдержала и переехала в Киев, где основала женскую общину, потом монастырь и при нем хирургическую больницу и большую амбулаторию для бедных, которыми сама руководила. Что бы ни говорили про нее, но эти больница и амбулатория были отлично поставлены и принесли, приносят и теперь, громадную пользу киевскому населению.

Великая Княгиня была не лишена ума, имела некоторые странности, страдала тяжелой формой истерии и была, как все Ольденбургские, очень энергична. Как истеричка, она легко попадала под влияние других; так говорили, что одно время она была под влиянием своего духовника, а потом своего врача, д-ра Соломки, довольно известного на юге хирурга. Не будучи, сколько я знаю, пострижена, она носила костюм монахини, жила в монастыре, вполне подчинялась его режиму, усвоила себе все привычки монахинь, как будто отказалась от мира, от своих прав Великой Княгини и т. п.

работала, как простая сестра и даже как сиделка в больнице, где якобы даже сама мыла полы... поэтому про нее рассказывали самые разнообразные басни; были и такие лица, кои сомневались в нормальности ее психики, и к числу последних, я думаю, принадлежал и Государь. За год перед тем Вел. Княгиня, ради здоровья, путешествовала в сопровождении своего врача и каких-то монахинь или послушниц за границей, по берегам Средиземного моря, заезжала и в окрестности Ниццы и своим костюмом и оригинальностями обращала там на себя всеобщее внимание. Все это дошло до Государя, Он остался очень недоволен поведением Великой Княгини за границей и, по ее возвращении, запретил ей выезжать из Киева.

Приехал я в больницу, где должна была происходить операция, за ½ часа до назначенного времени и попросил д-ра Соломку доложить обо мне Вел. Княгине. Она приняла меня в своей келье, очень скромно устроенной, и встретила меня словами, дотронувшись рукой по-монашески до пола, «глубоко кланяюсь Царскому посланцу». После осмотра ее, как больной, она повела меня показывать свою больницу; между прочим она показала мне операционную, где она сама все приготовила для своей-же операции, и комнату в которой она будет лежать; при этом она подчеркнула, что ложится в свою больницу из принципа, кровать и даже белье больничные – «если я считаю, что все это пригодно для других, то оно должно быть пригодно и для меня; это лучшее доказа-

тельство того, что я делаю для других то же, что считаю лучшим и достаточным для себя самой», – говорила она. Должен сказать, что этим Вел. Княгиня убедила меня в искренности своих убеждений.

Операция прошла вполне благополучно. Уезжая днем из больницы, когда всякая опасность для больной уже миновала, я пошел проститься с Великой Княгиней. Она передала мне собственноручное письмо Государю, просила меня рассказать Ему о всем мною виденном в монастыре и больнице, засвидетельствовать Его Величеству, что я ничего предосудительного там не видел и исходатайствовать у Государя разрешение, после выздоровления от операции, выехать за границу, куда она поедет в обычной, не монашеской одежде и где обещает никакими чудачествами на себя внимания не обращать. На другой день 6 авг., я один выехал обратно в Петербург.

8-го или 9-го августа часов около 5 вечера я был принят Государем в Петергофе, в нижней приемной коттеджа. Государь принял меня, стоя и повернувшись спиной к окну, поэтому я в полутемной комнате не мог рассмотреть Его лицо, но в Его фигуре я ничего особенного не заметил. Пришла и Императрица, которая показалась мне нервной и взволнованной. Из разговора я понял, что Государь не особенно был расположен к Вел. Княгине и не скрывал этого, однако после моего доклада Он смилостивился и сказал мне, что даст Вел. Княгине разрешение на выезд за границу. Я спросил Госу-

даря о Его здоровье. Он ответил, что в лагере чувствовал себя слабым и легко утомлялся, но теперь считает себя здоровым. Мне показалось, что Государь говорил о своем здоровье неохотно и как будто куда-то торопился.

Потом я узнал, что в этот день, после свидания со мной, Он по настоянию Императрицы, принял Захарьина и что последний, осмотрев Государя, откровенно высказал Императрице свои опасения за ближайшее будущее. Этим объяснялось, почему Государь торопился покончить разговор со мной и почему Императрица волновалась, ибо ждала приговора Захарьина.

Как мы увидим ниже, отношение и доверие ко мне Царской Четы остались те-же, что и раньше, поэтому я не могу и теперь объяснить себе, чем было вызвано желание Государя скрыть от меня находку Гирша и вызванную последней тревогу, а так-же вызов Захарьина, визит которого непосредственно следовал за моим докладом. Так это и осталось для меня тайной.

Последняя болезнь Государя.

Вести из Беловежа и Спалы

В середине или конце августа Двор переехал в Беловеж, но по слухам Государь почувствовал себя там очень плохо и на охоты почти не выезжал. Должен признаться, что я относился к этим слухам якобы о тяжелой болезни Государя

с большой долей сомнения, ибо не допускал, что Министр двора и другие приближенные не сумеют настоять на необходимости официально оповещать Россию о состоянии здоровья Царя. Между тем слухи об опасной болезни популярного монарха росли и служили почвой для самых разнообразных и нелепых рассказов и небылиц, как это всегда бывает в подобных случаях, когда публика остается без официальных сведений. Вскоре я узнал, что в Беловеж приезжал Захарьин, высказал очень мрачное предсказание, но, странным образом, опять уехал, оставив там за себя, кроме Гирша, своего ассистента, никому неизвестного д-ра Попова.

В публике стали говорить, что правду от народа скрывают, что причина болезни Царя будто-бы какое-то отравление и т. д. Истина заключалась в том, что болезнь Царя быстро прогрессировала. Больной приписывал ухудшение климату Беловежа и переехал в Спалу. Там Ему стало еще хуже; заболела Императрица тяжелой и мучительной формой lumbago. Вызвали Захарьина и проф. Leyden'a из Берлина. Говорили, что Захарьин, уже откровенно высказавший Императрице свое мнение еще в Петергофе, продолжал смотреть на болезнь Государя очень серьезно, Leyden же очень оптимистически и выражал надежду, что на юге Государь поправится; оба, однако, присоединились к диагнозу Гирша, что у Государя хроническое интерстициальное воспаление почек. Гирш заболел и якобы по болезни уехал в отпуск; потом я узнал, что у него действительно был припадок подагры и он,

считая себя обиженным общим к нему недоверием, воспользовался случаем и отпросился в отпуск, хотя, казалось, это было не вовремя. Захарьин и Leyden уехали и Царская Чета осталась на руках д-ра Попова, человека совершенно непривыкшего к придворной обстановке. Во второй половине сентября Царская Семья переехала в Ливадию. Публика начала роптать, обвиняя приближенных Государя в том, что болезнь Царя продолжают держать в тайне, и многие выражали свое удивление и негодование о том, что при Государе не остался никто из авторитетных специалистов и даже врач более или менее известный в России.

В течение сентября я по какому-то случаю был в Михайловском у В. К. Михаила Николаевича, тогда председателя Государственного Совета и старейшего из членов императорской фамилии. Вел. Князь подтвердил мне, что состояние Государя очень серьезное, но видимо не считал Его безнадежным, и спросил мое мнение, как о причине болезни так и о том, какие надежды можно возлагать на южный климат для улучшения здоровья больного. Я высказал мое глубокое убеждение, что главная причина столь быстро наступившего ухудшения в состоянии здоровья Государя, это переутомление и постоянные душевные волнения и что по-моему, кроме южного климата и хорошего ухода за больным, самое необходимое – это дать Ему продолжительный отдых и возможно меньше утомлять Его государственными делами. Великий Князь, соглашаясь со мной, выразил однако сомне-

ние, что при характере Государя этого удастся достигнуть. Я позволил себе указать, что для спасения жизни Государя достичь этого безусловно необходимо и что, на мой взгляд, возбудить об этом вопрос мог бы, именно Вел. Князь, благодаря своему положению. Вел. Князь согласился со мной и сказал мне, что приложит все свои старания – насколько он исполнил свое намерение, я не знаю.

27 сентября меня экстренно вызвал к себе, к 2-м часам дня, помощник министра двора барон В. Б. Фредерикс. Барон встретил меня словами: «Я сегодня утром получил телеграмму от графа Воронцова, в которой он сообщает, что Государь желает, чтобы вы немедленно приехали в Ливадию. Поезжайте сейчас-же в кассу министерства, где вы можете получить деньги на дорогу, а сегодня вечером отправляйтесь в Ливадию. Советую вам заехать к ген. – ад. О. Б. Рихтеру и поговорить с ним, так как он тоже едет сегодня и ему заказан особый вагон, вам будет лучше ехать. Я вам ничего больше сказать не могу, но предупреждаю, что вероятно вы уезжаете надолго, ибо кажется Государь собирается за границу». Я доложил барону, что сегодня мне выехать очень трудно, так как у меня на руках три больничных учреждения и школа; надо-же передать дела, кассы и т. п. «Ну, уж это дело ваше, сказал мне довольно сухо барон; я передаю вам Высочайшее повеление, а остальное меня не касается, посоветуйтесь с ген. Рихтером, вашим прямым начальником» (по Главной Квартире). Я поехал в кабинет, получил 1 000 рублей на

дорогу и отправился к О. Б. Рихтеру. Последний понял мое затруднительное положение и посоветовал мне срочно телеграфировать графу Воронцову. Нового он тоже мне ничего не сообщил. Я тотчас-же написал графу Воронцову телеграмму приблизительно в следующих выражениях: «Необходимо передать дела по службе. Могут-ли отложить отъезд до завтра». Вечером я получил ответ: «Можете не торопиться. Граф Воронцов». Однако на следующий день вечером, 28/IX я выехал и 1 октября утром был в Севастополе, а вечером, проехав на лошадях через Байдарские ворота, прибыл часов в 8 вечера в Ливадию, где остановился в свитском доме.

XI. В Ливадии

Тотчас по приезде меня позвали обедать за свитский стол. Здесь я застал ген. – ад. П. А. Черевина, О. Б. Рихтера, князя Н. Д. Оболенского, адмирала Н. Н. Ломена, художника Зичи, д-ра Попова и двух воспитателей В. К. Михаила Александровича – англичанина Хиса и швейцарца Тормейера. Из дам в Ливадии были: кн. А. А. Оболенская, Е. С. Озерова и графини Кутузовы. Из врачей – один Попов. От лиц свиты я узнал следующее: граф Воронцов, странным образом, не живет в Ливадии, а, верстах в 10, в своем имении и приезжает утром на 2 часа; остальное время его нет. Государю очень плохо. Живет Он в маленьком дворце, где жил наследником; там же, кроме Императрицы, помещаются Цесаревич Николай Александрович и В. К. Георгий Александрович; дети, т. е. В. К. Михаил Александрович и В. К. Ольга Александровна занимают другой дом. Государь ежедневно катается с Императрицей в открытом экипаже по скрытым дорогам, так, что Его никто не видит, и Он никого не принимает, даже графа Воронцова, который бывает только у Императрицы. Предполагается поездка в Грецию, на остров Корфу, куда для приготовления помещений уже послан и. д. гофмаршала граф Бенкендорф.

О болезни Государя я узнал очень немного, главное было то, что Ему очень плохо, но насколько – мне не умели

сказать; не больше я узнал и о результате консультации Захарьина и Лейдена. Только один П. А. Черевин не скрыл передо мною, что положение почти безнадежно. За обедом я познакомился с Поповым, но он был очень сух со мной и я, до поры до времени, не нашел нужным спрашивать его. Видимо симпатиями он здесь не пользовался.

Тотчас после обеда я пошел к кн. А. А. Оболенской, самой близкой приятельнице Императрицы. От неё, как я и ожидал, я узнал больше чем от других: состояние Государя все ухудшается. Пульс за последние дни около 100, опухли ноги, полная бессонница по ночам и сонливость днем, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, очень сильная слабость – Он едва ходит. Его с приезда в Ливадию, кроме Императрицы и детей, никто не видит.

Граф Воронцов держит себя совершенно в стороне и ничего не предпринимает. Попов бывает у Государя 2 раза в день, делает назначения, которые не исполняются; Государь упрямится и не слушается; ухода за больным никакого; лекарский помощник Поляков боится Государя и, конечно, никакого влияния не имеет; Императрица выбилась из сил и беспомощна. Попов Императрице очень не нравится вследствие своей невоспитанности и неумения себя поставить; Государь его терпит, но в действительности с ним не считается.

В результате больной в сущности брошен, живет по своему усмотрению, пользуясь лишь домашним уходом Государыни; никакого режима не установлено и врачебного руко-

водства и плана лечения нет. Государь работать, конечно, не может, но все-же пытается это делать и только себя утомляет. Всему этому необходимо положить конец, иначе больной несомненно погибнет. Из всего этого я мог заключить, что Русский Император, пользуется таким дурным уходом, как ни один из Его подданных, даже в самой плохой больнице.

Про себя я узнал: Императрица уже в Спале пожелала иметь при больном своего человека и приказала гр. Воронцову вызвать меня, но он этого не сделал, сказав, что «забыл»; потом, когда уже в Ливадии он получил мою телеграмму с вопросом, могу ли я отложить отъезд на один день для передачи дел, он сказал Императрице, что я очень занят, раньше приехать не мог и сейчас не могу. Императрица выразила свое удивление кн. Оболенской, которая объяснила, что гр. Воронцов просто не желает моего присутствия здесь. «Вызвала вас, – закончила княгиня, – сама Императрица, потому-что Государь изъявил желание вас видеть, но это не нравится графу и Попову. Не скрою от вас, что положение ваше будет очень трудное».

Конечно, я отлично понял, чего от меня ждут и как мне трудно будет быть полезным больному, поэтому я тотчас изложил княгине программу, которую я пока себе начертал; между прочим я указал, что необходимо избрать одного врача, которому Государь и Императрица считают возможным довериться, который организовал бы уход за больным, вел бы историю хода болезни, следил бы за исполнением назна-

чения консультантов, давал бы, кому нужно, сведения о состоянии больного, одним словом, был-бы действительно домашним врачом Государя; далее необходимо оповещать население России о состоянии здоровья Царя, о том, что делается, и кто из врачей лечит Царя, – не надо забывать, что это не простой смертный, а Русский Император, да еще очень популярный в народе, и что народ вправе возложить всю ответственность на приближенных Царя и спросить отчета, что было сделано для спасения Его жизни, не надо забывать, что на Ливадию теперь смотрит весь мир; необходимо удержать при больном хотя бы одного авторитетного терапевта, Захарьина или Лейдена, хотя не надо упускать из виду, что последний иностранец; наконец, крайне необходимо избавить Государя от дел, в чем должны помочь сановники, ибо нельзя ожидать от тяжело больного Государя, чтобы Он сам мог распорядиться. Все это я просил княгиню передать Императрице. Вместе с тем было решено, чтобы я обо всем этом переговорил с ген. Рихтером, как человеком очень уравновешенным и спокойным и искренно преданным Государю, далеким от всяких придворных интриг. От кн. Оболенской я пошел в тот же день к ген. Рихтеру и подробно и совершенно откровенно изложил ему мое мнение. Оттон Борисович совершенно согласился со мною и обещал свою поддержку; между прочим я узнал от него, что в государственных делах полный застой, здесь сидят 7 фельдъегерей, которые не могут выехать, так как Государь не работает и резолюций нет; во

всех министерствах полное уныние. Наследник держит себя очень пассивно и ничего не высказывает. «Необходимо действовать, – сказал я Рихтеру, – и теперь время. Если все правда, что я слышу, то о поездке в Корфу не может быть и речи; можно в дороге или там на чужбине ожидать всего. Что скажет тогда Россия?!» Решили завтра-же переговорить с графом Воронцовым.

2/Х утром я видел лекарского помощника Полякова, который в сущности один чаще бывал у Государя и должен был исполнять назначения врачей, но никакого влияния, разумеется, иметь не мог. Он подтвердил мне об очень плохом состоянии Государя, показал мне анализы и доложил, что Государь ничего не исполняет из того, что предписывают врачи, а все делает по-своему. В 10 часов я пошел к графу Воронцову. Он принял меня вежливо, но очень сухо. Желая вызвать его на откровенность, я соответственно повел разговор и прежде всего спросил его, кем и для чего я вызван. «Вас „потревожили“ (?) под предлогом того, что нет Гирша, чтобы возложить на вас его обязанности, но, собственно говоря, Императрица просто желает, чтобы вы были здесь, но я сам не знаю, что вам, как хирургу, здесь делать». Я объяснил графу, как я понимаю свою предстоящую роль, как врачу, известному Их Величествам, – видеть Государя и быть компетентным свидетелем того, что делается здесь в медицинском отношении, ибо пока Государя окружают чужие люди, а оставлять монарха на руках одного никому в России не

известного Попова как будто неловко. Россия беспокоится и удивляется, что при тяжело больном Царе нет ни одного своего врача, как будто что-то скрывают, и ответственность может быть возложена на приближенных. Затем я изложил все то, что уже говорил кн. Оболенской и ген. Рихтеру. Граф ответил: «Бюллетеней я писать не могу, их надо показывать Государю, да Он сам читает и газеты. Я напечатал короткое сообщение о том, что Государь делает, т. е., что Он гуляет, пока я ничего больше сделать не могу». Наш дальнейший разговор прервался, ибо с докладом пришел Попов. Суть его доклада была – пульс держится, но силы падают, сон, как будто, лучше, но в общем положение хуже. На меня Попов даже не смотрел, совершенно игнорируя меня. Я сидел в стороне, слушал и наблюдал.

Попов был высокого роста, «дюжий парень», видимо из поповичей, лет 30–32, здоровый, как бык; одет он был по-московски – «черная пара» и белый, матросским узлом завязанный, шелковый галстук. Тон – избалованного купчихами Замоскворечья, модного московского «дохтура», очень самоуверенного и мало воспитанного человека, считавшего себя полубогом; в сущности это был человек очень мало симпатичный, навряд ли много знающий, вселявший к себе, на мой взгляд, очень мало доверия и не производивший впечатления интеллигента; легко было заметить, что он брал не столько тем, что он говорил, но тоном непогрешимой, модной, московской знаменитости, попавшей ко двору. Как я

уже выше сказал, такие люди, грубые, мало воспитанные, самоуверенные до нахальства, плебеи по своей натуре всегда производили впечатление на графа Воронцова, и в его отношениях к Попову проявлялась не только любезность и благосклонность, но даже какое-то подобострастие; они вели разговор какими-то отдельными словами, на полуслове понимая друг друга; получалось впечатление, что граф Воронцов боится уронить себя в глазах своего собеседника, как будто он боится показать, что он может не понять намека такого умного человека, как Попов; я смотрел и узнавал графа Воронцова – так он говорил с Алышевским и другими подобными ему людьми, со своими чиновниками министерства, в число которых он преимущественно подбирал людей с замашками плебеев.

Я ушел от министра двора очень неудовлетворенный нашим разговором и ещё больше убежденный в том, что с честью выйти из положения, в которое я попал, будет очень нелегко.

После завтрака за «гофмаршалским» столом в большой столовой дворца, где было уже довольно много народа, я пошел пить кофе и курить на террасу.

Граф Воронцов, тоже с чашкой кофе в руках любезно подошел ко мне и вступил в беседу. Чтобы нас не могли слышать, мы вышли в сад, без фуражек и с чашками в руках; вскоре пошел дождь, все стали расходиться, а мы долго еще стояли на площадке перед террасой и «дружески» беседова-

ли, несмотря на дождь. Из разговора я понял, что разница в обращении со мной объяснялась просто: граф перед завтраком был с докладом у Императрицы... которая уже все знала о телеграммах...

Предмет нашего разговора был следующий:

Подходяще-ли для Государя пребывание в Корфу? – Я считал долгом заметить, что в ноябре в Корфу, хотя и тепло, но очень сыро. Правильным следовало бы признать пребывание в Египте. Граф слушал меня и очень легко соглашался. Я поставил вопрос так: если Государь действительно так слаб, то перед тем, чтобы выбирать место для Его пребывания, следовало бы решить вообще – можно ли Его перевозить? Необходимо, чтобы консилиум решил вопрос – нет ли возможности печального исхода в пути, надо иметь в виду слабость сердца и возможность качки. Далее – есть ли надежда, что Государь вернется из заграницы? Наконец, кто из врачей, в случае поездки, будет сопровождать Государя и кто примет на себя ответственность? – один человек сделать это не может и не должен. Граф согласился, что все это верно. Я спросил графа, можно ли с точки зрения политики допустить печальный конец на яхте, можно ли дать умереть Государю на чужой стороне? Все это получает еще особое значение в виду той таинственности, которая до сих пор окружала болезнь Царя. Что тогда про нас скажет Россия? Граф согласился, что теперь не может быть и речи об отъезде. Спрашивается, подумал я, о чем же думали до сих пор, когда даже

послали в Корфу занимать помещение. Далее, я настаивал на необходимости оповестить публику тем или иным путем, указав, что экземпляры газет, доставляемые Государю, можно печатать без бюллетеней. Наконец, я доказывал, что надо прекратить quasi – работу Государя, что нельзя допускать посылки Ему докладов и дел; Государь несомненно работать не может, а сознание, что дела отсылаются не решенными и скопляются, особенно при характере Государя, должно Его мучить и раздражать, а это вредно для больного и не полезно для государства. Граф ответил: «Я отлично все это понимаю, но что мне делать – здесь (надо понимать – Императрица) забывают, что это Император, что есть политика, что есть государство, и в основу всех суждений ставят одно – это сердечное отношение к бедному больному; вот почему мне трудно энергично вмешиваться».

– Я думаю, – заметил я, – что тяжелая болезнь монарха имеет громадное государственное значение, влияющее на ход истории государства, а предоставлять решение некоторых относящихся к этому событию вопросов самому больному и его семье недопустимо, это дело окружающих монарха, на которых падает и ответственность за всякие возможности.

– Ну, а наследник, – спросил я, – не переговорить ли с ним?

– Я уже об этом думал, – сказал граф, – но это мальчик 14 лет, а ему 26. Что-же мне делать?!..

– Возвращаюсь к медицине, – продолжал граф, – ведь Захарьин, это сумасшедший самодур, ему нельзя здесь жить; через 3–4 дня он приходит в такое состояние, что начинает бить стекла. Попов – хороший малый, но молод, не авторитетен, Императрице не нравится, но хорошо еще и то, что его пускают к Государю. Теперь я боюсь, что Захарьин станет на дыбы, потому что выписали Лейдена, и не захочет оставаться и брать лечение на себя.

– Ну вы, граф, – сказал я, – придаете самодурству Захарьина слишком много значения. Он *обязан* здесь остаться, я, как лейб-медик, этого требую, потому что нельзя оставлять Государя без присутствия здесь авторитетного в глазах России терапевта. Попов для меня и для России ничто, а я хирург, да и вообще, если бы я был и терапевтом, я взять на себя одного ответственности не решился-бы. Следовательно, Захарьина надо здесь оставить, как поступить с Лейденом – будет видно, во всяком случае одного Лейдена, как иностранца, и меня здесь будет мало, а Захарьина можно успокоить, – ведь Государь не замоскворецкий купец, ведь есть-же управа и на Захарьина.

Граф Воронцов согласился и с этим и, улыбаясь, закончил разговор: «Ну, как-нибудь справимся».

От гр. Воронцова я пошел с визитом к графиням Кутузовым; пришлось подождать их и слуга провел меня на террасу, выходящую в сад, за дворцом, на какую-то густо заросшую кустами дорогу. Не успел я выйти на эту террасу, как услы-

шал за кустами какой-то шорох как-бы от колес экипажа по гальке и топот лошадей. Это меня очень удивило, ибо было несомненно, что дорога эта была не для экипажей; я догадался, что вероятно едет кто-то из Высочайших Особ, и стал за занавеску, чтобы меня не было видно. Действительно, из-за кустов выехал экипаж, так называемая в Крыму «корзинка», т. е. род 4-х-местной открытой коляски, или плетенки. В экипаже сидели Государь и Императрица. Государь так изменился, что я сразу его не узнал; голова совершенно маленькая, что называется с кулачок; шея тонкая, затылка у этого великана не было, настолько Он похудел; пальто висело, как на вешалке; знаменитых Его плеч, богатырской груди и вообще могучего торса, как не бывало. Он видимо спал, сидя в экипаже, и, поддерживаемый Императрицей, качался, как пьяный. Экипаж проехал трусцой, как видение, и исчез за кустами. Было ясно, что эта дорожка в саду была выбрана для прогулки с тем, чтобы никто не мог видеть Государя. Я был поражен и удручен до слез. Все мне стало ясно – это был умирающий человек, а вчера все говорили об отъезде в Грецию и о проектах на будущую зиму. Что за люди! – подумал я, это – дети! что же тут говорить об отъезде, когда видимо приходится считать дни.

Вышли графини и со слезами стали жаловаться мне на здешний беспорядок и беспомощность всех; я едва их слушал, простился при первой возможности и побежал к П. А. Черевину.

– Петр Александрович, – сказал я, – сейчас я случайно из-за угла видел Государя в экипаже...

– Как это могло случиться? – тревожно перебил меня Черевин. Его никто не видит, Он этого не желает.

Я сказал, в чем дело. Черевин успокоился.

– Ну? – спросил он.

– Да П. А. ведь все разговоры здесь одни пустяки, ведь все кончено, это ведь умирающий человек, – продолжал я.

– Я это давно знаю, – ответил мне Черевин со слезами на глазах; а этого здесь, дураки, не понимают; даже Воронцов не понимал, пока не поговорил с вами, а теперь засуетился. Я вам нарочно ничего не говорил, хотел посмотреть, что вы скажете сами.

– Ну, а Попов? – спросил я.

– Конечно, отлично понимает, но молчит; должно быть так приказано Захарьиным. Ну, я-то сумел узнать от него правду. Вы говорили с Воронцовым? – спросил Черевин.

– Говорил, – ответил я.

– Что-же он?

– Да я ведь говорил с ним, не видел Государя, а теперь я говорил бы с ним другим тоном, ответил я. Граф все боится Захарьина и его самодурства.

– А вы что думаете?

– Я думаю, что надо теперь же подготовить Россию, – ответил я, – а с Захарьиным справиться можно.

– Ну, конечно, – ответил Черевин; я давно говорю, что его

не следовало отпускать, а успокоить его я берусь... – сказал Черевин.

В течение этого дня приехали Лейден, Захарьин и Гирш, которому кто-то из друзей посоветовал перестать дуться и приехать в Ливадию.

На другое утро З/Х Лейдена, Захарьина и меня позвали к Государю. Гирша и Попова не пригласили.

Вот приблизительно план дворца-виллы, где жил Государь: Дом, в котором жил и скончался Государь, по своей величине и архитектуре совершенно не заслуживает названия дворца – это скромная вилла или дача, очень небольших размеров, с небольшими комнатами. Лучшие две комнаты по своей величине и своей обстановке, это приемная внизу и кабинет-гостиная Императрицы; рабочий кабинет Государя – маленькая комната, кажется в одно окно, в которой едва помещался большой письменный стол; спальня тоже небольшая, в 3 окна. Меблировка донельзя простая, более чем скромная, самая обывательская.

Принял нас Государь в кабинете Императрицы, сидя в креслах, в своей обычной генеральской тужурке, и выразил большое удовольствие видеть меня и Лейдена. К Захарьину Он, видимо, относился менее благосклонно. К уже сказанному о впечатлении, которое производил вид Государя, могу добавить, что на этот раз оно было еще тяжелее. Он был так слаб и сонлив, что засыпал среди разговора с нами. Исследовали Его, и довольно поверхностно, Захарьин и Лейден, я же,

как не специалист, отказался от такового, чтобы напрасно не утомлять больного. Плохо было то, что появился резкий отек ног, причем сильный зуд в коже очень беспокоил Государя, особенно в постели. В этот день деятельность сердца была настолько слаба, что мы отсоветовали выезжать на прогулку.

С этого дня, т. е. с 3/X Государь больше так и не покидал своих комнат. После консультации Императрица, вызвав нас в приемную, спросила мнение профессоров о состоянии больного. Лейден не скрыл серьезности положения, высказался довольно мягко и неопределенно, но не называя, однако, состояние безнадежным. Захарьин, напротив, высказал Императрице всю правду в очень определенных выражениях, довольно резко и, я сказал бы, грубо. Она приняла этот удар с довольно большой выдержкой, но все же не могла удержаться от приступа слез. Мне Она приказала остаться и долго беседовала со мной наедине. Для меня не было сомнения, что Она отлично понимала положение, но ей хотелось верить в возможность спасения, что было так естественно, и поэтому я, как и Лейден, не нашел нужным подчеркивать безнадежность положения, а, насколько мог, успокоил бедную женщину, но выяснил Ей невозможность и бесцельность путешествия и необходимость оповестить Россию об истинном положении Государя. Она жаловалась мне на все перенесенные Ею душевные волнения в Спале и Беловеже, где Она была предоставлена сама себе, жаловалась на грубость Захарьина, относившегося к Ней безжалостно, на ин-

дифферентность, сухость и неделикатность Попова, который Её раздражал, на отсутствие какой-либо нравственной поддержки; Она, видимо, симпатизировала Лейдену, который, не лишая Её всяких надежд, действовал на Неё ободряюще и успокоительно. Она сказала мне, что приказала гр. Воронцову вызвать меня ещё в Спалу, чтобы иметь при Государе своего человека, но Её обманули, сказав, что я не счел возможным приехать; это Её очень удивило, но теперь Она знает, что это были интриги, которыми Её опутывают даже в эти тяжелые минуты. Вместе с тем Императрица выразила желание Государя и свое, чтобы я оставался в доме ночью и принял на себя ближайший уход за больным. С того дня, т. е. с 3/X, по день кончины Государя я стал почти бессменным дежурным днем и ночью и 17 дней спал одетым. Я уходил из дворца к себе только утром для туалета, иногда к завтраку или обеду за общим гофмаршальским столом и иногда около 5 часов выезжал на час с Лейденом на прогулку в окрестности Ливадии. Во время моего отсутствия меня сменял Гирш, но его к больному никогда не звали.

Утром и вечером Захарьин и Лейден при мне посещали Государя, Гирш и Попов Его не видели вплоть до Его кончины, при которой, кроме нас троих, присутствовал и Гирш, но не Попов. После посещения больного происходило совещание под председательством министра двора и составлялись бюллетени, кои с 4/X посылались в «Правительственный Вестник» и перепечатывались в других газетах.

Несколько странным было то, что бюллетени эти подписывали тоже Гирш и Попов, не видев больного. За все время до смерти Государь никого не принимал и только между 14 и 16 октября, чувствуя себя несколько лучше, пожелал видеть своих братьев и Великих Княгинь Александру Иосифовну, привезшую в Ливадию отца Иоанна, и Марию Павловну.

Государь вставал ежедневно, одевался в своей уборной и проводил день большею частью в кабинете Императрицы, в сообществе Её и детей. Нередко после завтрака Он ложился в постель и спал, после чего я обыкновенно бывал у Него. Под влиянием моих убеждений Он, кажется, по просьбе Императрицы, согласился передать дела Наследнику, но все-же оставил за собой дела по министерству иностранных дел и подписывание военных приказов, из коих последний Он, кажется, подписал за день до кончины. Я бывал у Государя по несколько раз в день, следил за исполнением предписаний врачей и за Его питанием. Всего больше беспокоили Государя значительный отек ног и зуд в коже; Его значительно успокаивал легкий массаж, который я и производил, бинтуя Ему после этого ноги, чтобы предупредить чесание. Мне удалось влиять на Государя в отношении исполнения Им наших предписаний, чего до меня достичь было почти невозможно, но все же Он иногда запирался у себя с В. К. Михаилом Александровичем, снимал сам бинты и приказывал сыну чесать Ему ноги щетками, чему я очень противился, боясь расчесов и рожи, но мои старания увенчались успехом

лишь в самые последние дни. Несмотря на свой очень властный характер, Государь все-же подчинялся моим увещаниям и убеждениям и бывало, что когда Императрица не могла Его убедить не вредить себе, то посылала за мной.

Должен сказать, что за эти 17 дней постоянного моего общения с тяжело больным и страдавшим от зуда, одышки и ночной бессонницы Государем, я ни разу не испытал на себе Его нетерпения, неудовольствия или малейшего каприза; со мной Он был всегда одинаково ровен, любезен, добр, бесконечно кроток и деликатен. Когда я засиживался у Его постели, Он начинал беспокоиться, что я долго не курил и отсылал меня и часто требовал, чтобы я непременно ездил кататься; за все время Он только раз ночью позвал меня и очень извинялся, что прервал мой сон; Он требовал, чтобы я приходил к Нему непременно в кителе, так как ещё бывало тепло и делал мне замечания, когда я приходил в сюртуке, хотя по этикету бывать у Высочайших Особ так не полагалось. Могу сказать смело, что такого приятного и деликатного в обращении больного я за 40 лет врачебной практики редко встречал. Государь, несомненно, вполне сознавал опасность своей болезни и безнадежность своего положения, но я никогда не видел, чтобы Он падал духом, и меня Он никогда по этому поводу не спрашивал. Один раз только я застал Его с Императрицей со слезами на глазах, вероятно, после тяжелого разговора о возможности смерти, и раз, случайно зайдя к Нему в кабинет, видел Его взволнованным в беседе с На-

следником, которому Он по-видимому передавал какие-то дела и давал наставления на случай своей смерти; но оба раза Он сразу справлялся с собой и принимал свой обычный спокойный и кроткий тон. В хорошие минуты Он даже шутил.

Захарьин продолжал чудить и здесь. Так он находил, что в свитском доме, где все жили, слишком шумно и выхлопотал себе помещение в отдельном домике, где ложился спать чуть ли не в 9 часов вечера. Посетив его как-то, я был удивлен, что его кровать стоит посреди комнаты, причем он объяснил мне, что боится сырости стен. Он не признавал обычных «удобств», как все, а требовал таковых у себя в комнате, чем приставленный к нему дворцовый служитель искренно возмущался.

В Ливадии все дорожки в парке были усыпаны галькой, вследствие чего при проезде экипажей вызывался очень громкий и неприятный шум, поэтому вокруг дома Государя был строго воспрещен проезд каких бы то ни было экипажей и телег, – все, что было нужно, приносили на руках, но Захарьин заявил, что он не может приходить на консультации от себя пешком, хотя это не превышало $\frac{1}{2}$ версты. Поэтому ему два раза в день подавали коляску в которой он торжественно приезжал во дворец. Он требовал, чтобы во дворце на площадках лестницы были для него поставлены венские стулья, один из коих должен был стоять перед дверьми при входе в приемную – он садился на эти стулья на минуту и якобы отдыхал, а на последнем стуле собирался мыслями. Служи-

тели его ненавидели и иногда этих стульев не ставили; раз я увидел, как Захарьин, поднявшись наверх и не найдя стула перед дверью, страшно рассердился, сбежал с лестницы, схватил стул, быстро снес его на верхнюю площадку, присел и вошел в приемную при нескрываемых улыбках прислуги. Я рассказал эту сцену Государю, и он от души смеялся.

Лейден был человек, конечно, вполне культурный, воспитанный и тактичный, хотя не лишен был некоторых свойств того типа людей, которых в Германии называют «ein Knot». Он обладал, кроме своих знаний, большой долей хитрости, практичности и житейской мудрости, как истый старый еврей. Мы были с ним в хороших отношениях и на прогулках много беседовали, причем он давал мне уроки дипломатического обращения и практичности в медицине и как-то сказал мне, что хороший врач-практик должен уметь, особенно при лечении монархов, не только лечить, но и помочь больному умереть, а главное должен уметь держать себя с семьей так, чтобы и после смерти больного сохранить ее симпатии и доверие. Соответственно своим взглядам, кои мне лично далеко не были симпатичны, он вел себя и в Ливадии.

Немцы и тогда уже придерживались правила не упускать ни одного случая и способа, чтобы узнавать все, что делается у соседей, особенно в России. Лейден как-то признался мне в откровенную минуту, что в Берлинском дворе очень интересуются нашим двором и что по возвращении в Берлин он должен рассказать Императору Вильгельму все, им

пережитое и виденное в России. Мы удивлялись, каким образом заграничные газеты более осведомлены о происходившем в Ливадии, чем, напр., наша публика. Оказалось потом, что во время болезни Государя в Ялту пришла какая-то частная немецкая яхта, хозяйкой которой была какая-то дама – крупная корреспондентка германских газет; потом я узнал, что Лейден, выезжая на прогулку, в те дни, когда я его не сопровождал; многократно посещал эту яхту, но держал это в тайне, а по вечерам писал бесконечно длинные письма.

Характерно было то, что будучи мировой известностью, Лейден особенно стремился получить дворянство и воспользовался получением после Ливадии пожалованной ему Анненской звезды с бриллиантами (орден, дававшийся только иностранцам), чтобы прибавить к своей фамилии сакраментальный предлог «von», считая, что он пользуется правами русского дворянства; права германского или вернее прусского дворянства были пожалованы ему гораздо позже. К людям вообще он относился довольно скептически. Как-то раз, по моему совету, наследник обратился к нему в Ливадии с вопросами о состоянии здоровья отца.

Я спросил Лейдена, как отнесся цесаревич к заявлению, что дни Государя сосчитаны. Лейден ответил мне фразой, которая мне очень не понравилась – «что-же вы спрашиваете, ведь всякий наследник в конце концов желал-бы скорее быть монархом; это так человечно». Он страшно кичился своими отношениями с русским двором и, как говорил,

сумел сохранить к себе доверие и симпатии Императрицы и после смерти Государя. Так через несколько лет он был снова приглашен к русскому двору в Копенгагене по случаю тяжелого легочного кровотечения у пребывавшего тогда там (в Копенгагене) наследника Георгия Александровича. Там мы снова встретились.

Лейден как-то сказал мне: «Я знаю двор германский, знаю русский, теперь вижу датский, мне остается до смерти увидеть еще английский двор, надеюсь этого достигнуть». Интересовал его не больной, а факт его приглашения. Его уверенность в своих успехах при русском дворе дошла до того, что при моем посещении его в Берлине он позволил себе высказать мне свой план – сделаться официально постоянным консультантом при русском дворе, так как у нас нет выдающихся терапевтов. Меня эта немецкая наглость настолько задела за живое, что я после этого использовал все свое влияние, чтобы предупредить его дальнейшие приглашения. Однако мне это не удалось, и Лейден был приглашен еще раз к наследнику в Абастуман, но тогда я настоял на одновременном приглашении и Nothnagel'я из Вены. Он понял мой маневр, и наши отношения за последние годы его жизни совершенно изменились в смысле резкого охлаждения с его стороны ко мне.

Государь относился в Ливадии к Лейдену скорее хорошо и с доверием, Захарьина-же только терпел, но не уважал, ибо оригинальничание и шарлатанство были противны нату-

ре Государя.

Не помню которого числа, но это было в первые дни моего пребывания, в Ливадию приехал харьковский проф. В. Ф. Грубе, выразив желание представиться Государю с тем, чтобы подбодрить Его, показав Ему на собственном примере, что от воспаления почек можно поправиться даже в Его преклонном возрасте. В сущности ничего общего между болезнью Государя и болезнью Грубе не было, ибо последний перенес гнилостное заражение и острое воспаление почек, но мысль была хорошая.

К большому моему удивлению Государь принял Грубе с удовольствием. Я присутствовал при этом свидании и еще раз имел случай видеть, насколько Государь был «другом своих друзей», как говорят французы. Познакомился Государь с проф. Грубе в Харькове после катастрофы 17 октября в Борках; раненые – придворная и поездная прислуга были тогда направлены в харьковскую клинику. Государь остановился в Харькове, посетил раненых и познакомился с проф. Грубе, который, видимо, очень понравился Ему, а главное выздоровевшие раненые служители очень расхвалили Государю обращение с ними в клинике; и с тех пор Грубе пользовался особой благосклонностью Государя, который был очень рад его видеть, хотя никого не принимал, даже своих родственников. Спокойный, очень уравновешенный старик, державший себя с чувством собственного достоинства, очень убедительно объяснил Государю, что от воспаления

почек можно выздороветь, примером чего может служить он сам. Государю этот довод показался очень убедительным и Он после визита Грубе был очень в духе и как будто повеселел.

Вечером этого дня Государь рассказывал мне свои впечатления о клинике Грубе и очень расхваливал последнего. Очень тактично поступил Грубе и тем, что он не показал ни малейшего желания вмешиваться своими советами и навязывать себя, а тотчас после приема уехал из Ливадии. Подбодрил Он и Императрицу.

Состояние больного постепенно ухудшалось, хотя днями бывали улучшения. С выходом первого бюллетеня весть о неблагоприятном течении болезни Государя распространилась по всей России. Постепенно в Ливадию стали съезжаться члены Императорской Фамилии и некоторые высшие чины Двора.

8/X прибыли Вел. Кн. Александра Иосифовна с Королевой Греческой и отцом Иоанном Кронштадтским. Приезд последнего озадачил многих и в том числе Императрицу, так как Государь не благоволил к отцу Иоанну – не знали, как доложить о нем Государю, тогда как В. К. Александра Иосифовна и Королева Греческая усиленно настаивали на том, чтобы Государь принял его и помолился-бы с ним. Сколько я знаю, не любил Государь отца Иоанна за то, что он своей популярностью, может быть, несколько искусственной, слишком выделялся из общей среды духовенства – Государь был

глубоко верующий, но прежде всего строго придерживался традиций православия, а православие не допускает, чтобы молитвы одного священника имели больший доступ к Престолу Всевышнего, чем молитвы всякого другого, кроме святых, святым же о. Иоанн церковью признан не был, поэтому в глазах истинно православного человека о. Иоанн как бы грешил тем, что придавал своим молитвам какое-то особенное значение.

Я думаю, что Государь подозревал у отца Иоанна желание выдвинуться и бить на популярность, а «популярничание» Государь ненавидел и искренно презирал. По словам В. К. Николая Михайловича, написавшего о последних днях Императора Александра III особую брошюру, отец Иоанн приехал «по почину» Вел. Кн. Александры Иосифовны и Королевы Греческой, «на что Августейший больной дал свое согласие», тем не менее Он сразу его не принял.

9/X (должно быть это было воскресенье) Государь, желая поднять дух окружающих, приказал, чтобы во время завтрака за гофмаршалским столом играли два хора музыки и чтобы Вел. Кн. Ксения Александровна присутствовала за столом за хозяйку. Я в этот день за завтраком не присутствовал, но, по словам Вел. Кн. Николая Михайловича, при первых звуках музыки Великая Княгиня расплакалась и вышла из-за стола. В это-же время Государь, тайно от всех, кроме Императрицы, исповедовался и приобщился у своего духовника отца Янышева. Видимо этот акт успокоил и ободрил Го-

сударя, так что в этот день мы могли даже констатировать некоторое улучшение.

10/X часов около 5–6 вечера прибыла невеста Цесаревича Принцесса Алиса Гессенская. К этому времени во всем дворце, кроме Государя и Императрицы, никого не было, из посторонних я был один в нижней приемной и таким образом в открытое окно мог наблюдать то, что происходило перед дворцом. Государь в этот день лежал уже в кровати и при нем сидела Императрица. Перед дворцом был выставлен почетный караул. Цесаревич и его невеста приехали в коляске на почтовых прямо из Симферополя.

Экипаж прямо с большой дороги проехал по аллеям сада и подъехал к подъезду Дворца. У невесты в руках был большой букет, видимо, поднесенный ей при встрече Цесаревичем. Они, выйдя из коляски, прямо вошли в подъезд, где, кажется, их встретила Императрица (видеть этого я не мог, ибо не выходил из приемной) и поднялись наверх к Государю. Там они оставались вчетвером минут 20–30. Я стоял внизу у открытого окна, любовался видом и размышлял о происшедшем. Надо было думать, что сцена, происходившая над моей головой в спальне Царя должна была быть трогательна и драматична.

Всем было известно, что за несколько лет перед тем Принцесса Алиса приезжала в Петербург еще совершенно молодой девушкой к своей сестре Вел. Княгине Елизавете Федоровне. Как говорили, цель этого приезда ее было знакомство

с русской Царской Семей, так как ее прочили в невесты Наследника.

Однако тогда Пр. Алиса или Alix, как звали ее в семье, не понравилась Государю Александру III, но произвела якобы глубокое впечатление на Наследника. Так или иначе, но из этого приезда в Петербург ничего не вышло; слышно было, что Государь воспротивился этому браку – Принцесса уехала, как говорили, очень недовольной и обиженной, а Цесаревича отец отправил в кругосветное путешествие.

Думаю, что уже тогда у Принцессы Алисы зародилось недоброжелательное чувство к Государю и Императрице, которое потом с годами превратилось в чувство озлобления против матери ее мужа. Когда Государь опасно заболел, явилась неотложная необходимость женитьбы Наследника, так как, по традициям, Русский Царь не мог быть холостым (говорю: «по традициям», ибо не думаю, чтобы этого требовал закон). Подходящей невесты не было, вспомнили о принцессе Гессенской, а вероятно о ней напомнили Цесаревич и Вел. Кн. Елизавета Федоровна, и Государь, как передавали, не без больших колебаний дал свое согласие на брак сына. Надо было думать, что поэтому происходившее в этот день свидание Царя с Его невесткой должно было быть тяжелым моментом как для родителей, так и для молодых; Государь этим согласием на спешный брак как-бы признавал свое безнадёжное положение, Императрица встречала нелюбую ей заместительницу; невеста должна была понять, что ее при-

нимают в семью, так сказать, по неволе, Наследнику это последнее тоже должно было быть неприятно, да, кроме того, сам этот брак напоминал ему о той громадной ответственности, которая падала на него в ближайшее время. Думаю, что в эту минуту все четверо тяжело страдали душой. Я чувствовал это и искренно страдал за умирающего и за бедную Императрицу, сердце которой, как супруги, матери и Государыни, должно было разрываться на части при мысли об ожидавшем ее будущем.

Вскоре Императрица с женихом и невестой отправились в большой дворец, где была приготовлена парадная встреча, собралась вся Царская Семья, Двор, местные власти и некоторые военные части и где должно было быть отслужено в церкви благодарственное молебствие по случаю благополучного прибытия Августейшей невесты.

После отбытия Императрицы и молодых из дворца ушли все, даже швейцар, чтобы посмотреть на встречу и на будущую Царицу – во дворце Государь и я остались вдвоем: Он наверху, один, в спальне, лежа в кровати, с открытыми окнами, я внизу у окна. Никогда не забуду этой минуты. Вечерело, солнце уже село, было еще тепло, но уже чувствовалась ночная свежесть октябрьского, но крымского вечера; в воздухе пахло последними осенними розами и специфическим, пряным ароматом лавровых кустов; перед моими глазами вдали расстилалась безграничная даль на совершенно спокойной, как зеркало, темно-синей поверхности

моря, уже слегка подернутого, как кисеей, легкой дымкой вечернего тумана. Со стороны дворца издалека слышались музыка, игравшая национальный гимн, взрывы «ура» и какой-то неопределенный шум; вблизи, из аллеи доносились мерные звуки от уходящего по шумной крупной гальке, но уже невидимого караула. Музыка и крики замолкли и среди опускавшейся ночной темноты все дальше, слабее и слабее слышались размеренные шаги уходящих солдат. Я стоял у окна и вслушивался и мне казалось что-то новое, неведомое, а старое уходит и уходит... Мне чудилось, что уходит что-то близкое, родное, свое, русское... а там что-то пришло, что-то новое, неизвестное, чужое, чужестранное... Что было старого – мы знаем, к чему приведет это новое – неизвестно. Почему-то, думая о новом, я представлял себе только невесту, но совершенно не думал о женихе, не было-ли это предзнаменование ожидавшего нас будущего? Несомненно то же, что и я, слышал через открытые окна и Государь... Я живо представлял себе, что Он бедный, одинокий в эту минуту, беспомощный, больной, но еще всемогущий Самодержец должен был переживать, как Царь и Отец!..

Я долго стоял перед окном, пока совершенно не стемнело, и очнулся, когда меня позвали наверх к больному, который чувствовал себя в этот вечер особенно слабым.

В тот же день утром Государь принял отца Иоанна, который совершил молитву, очень недолго беседовал с больным и спросил, прикажет ли Государь ему остаться или ему нуж-

но уехать. Государь, как пишет Вел. Кн. Николай Михайлович, ответил ему: «Делайте, как знаете».

На следующий день 11 октября Государь чувствовал себя очень слабым и утомленным. Я объяснил себе это, главным образом, последствием волнений при встрече с невестой, а может быть и при молитвах отца Иоанна.

С 12-го по 16-е самочувствие больного было несколько лучше. Вел. Кн. Николай Михайлович говорит, что «14, 15, и 16-е были днями розовых надежд», даже врачи будто-бы «начали говорить о возможности поправления здоровья больного», чему Вел. Кн. удивляется. Но, по-моему, он напрасно стремится доказать, насколько мы ошибались; в действительности «розовые надежды» питали только родственники и придворные, мы же оставались при своем мнении о безнадежности положения, но считали излишним постоянно говорить об этом.

О том, что это было так, можно судить по одному инциденту, который вероятно остался Великому Князю неизвестным и о котором я сейчас скажу.

Отеки ног у Государя сильно увеличивались, поднимались и больше всего беспокоили Его; появилась вода и в брюшной полости; ноги так опухли, что очень мешали больному ходить. Поэтому Лейден, изыскивал средства облегчить больного, еще около 10 октября поднял вопрос о производстве Государю маленькой операции, состоящей в введении под кожу ног через маленькие разрезы серебрянных

трубочек (дренажей) для стока жидкости.

Захарьин энергично воспротивился этому предложению, заявив, что у него в клинике эта нехитрая и невинная операция приносила обыкновенно больным мало облегчения, даже, напротив, делала их положение очень тягостным, вызывала раздражение кожи и нередко приводила к заболеванию рожей, которая ускоряла смерть. Я тоже высказался против этой операции ввиду того, что после нее из дренажей вытекает очень большое количество воды, которая быстро пропитывает самые объемистые повязки, смачивает постель, и больной оказывается постоянно мокрым вследствие чего невыносимый зуд в коже еще усиливается, больные начинают чесаться и легко заражают ранки, от чего очень легко получается рожа, ускоряющая печальный исход.

Зная нетерпение Государя, я легко представлял себе Его неудовольствие таким положением, которое не только не облегчило-бы Его страданий, а усилило бы их; остановить-же истечение жидкости после уже сделанных надрезов мы не имеем возможности. Тем не менее, чтобы избежать всяких упреков в неподготовленности, я выписал на всякий случай из Петербурга с курьером все нужное, т. е. трубочки и перевязочные средства. Вероятно это обстоятельство и послужило причиной той создавшейся легенды, что предположено подвергнуть Государя какой-то операции.

К великому моему изумлению 15 или 16-го, когда больному стало очень плохо, Захарьин вдруг потребовал от меня

производства этой операции, совершенно игнорируя свое-же мнение, высказанное раньше. Видя, что Государь погибает, что дело близится к концу, что подкожное дренирование ни малейшей пользы не принесет, я энергично воспротивился требованию Захарьина. Однако в тот-же день до меня дошли слухи, что в Царской Семье, особенно между братьями Государя, возникло неудовольствие мною – меня упрекали в том, что я, боясь за ответственность, отказываю Государю в облегчении Его страданий. Думаю, что причина этих сомнений во мне и упреков меня были разговоры Захарьина за моей спиной. Тогда я потребовал вызова другого авторитетного хирурга и указал, как на самого близкого к Ливадии и известного Государю, проф. Грубе.

Мое желание было исполнено, и Грубе был немедленно вызван из Харькова по прямому проводу, ему был предоставлен ген. Черевиным экстренный поезд. Не помню, было ли это 17-го или 18-го, но Грубе прибыл в 6 часов утра. Я подждал его и немедленно по его приезде пошел к нему и изложил ему мою точку зрения; я выяснил ему, что Государь умирает, что Он страдает главным образом от одышки вследствие слабости сердца, что спасения нет, облегчение страданий недостижимо, между тем, в случае производства Ему надрезов и введения дренажей, непонимающая публика несомненно скажет, что Государь погиб от неудачной «операции», хотя эту манипуляцию даже нельзя назвать операцией, а виновниками смерти сочтут хирургов.

Мудрый Грубе, сразу понял положение и сказал мне: «Не беспокойтесь, мы не так просты, чтобы дать себя подвести; это – прием терапевтов, нам хорошо известный; когда они предвидят наступление конца и чувствуют свою беспомощность, они любят передавать активную роль нам, хирургам, чтобы на нас свалить всю ответственность, хорошо зная, что невежественная публика при смерти больного после малейшего оперативного вмешательства всегда склонна объяснить смерть не болезнью и не беспомощностью терапевтов, а неудачной операцией, в чем, конечно, виноваты хирурги. Совершенно согласен с вами, что „операция“ эта не принесет больному облегчения, а увеличит его страдания, когда-же дело идет о монархе, да еще столь популярном, нам, хирургам, при таких условиях нужно быть особенно осторожными».

В обычное время утром мы осмотрели Государя, и Грубе мог убедиться, насколько я был прав, отказавшись исполнить требование Захарьина. После осмотра больного, под председательством Наследника Цесаревича состоялся семейный совет, в котором участвовали все четыре брата Государя и Министр двора; присутствовали все врачи. Цесаревич очень конфузился и больше молчал, председательствовал de facto Вел. Кн. Владимир Александрович. Ввиду участия в совещании Лейдена разговоры велись на немецком и французском языках.

Первым говорил по-немецки Захарьин и настаивал на сво-

ем требовании, не скрывая, однако, что дни Августейшего больного во всяком случае сочтены; затем говорил Лейден, не высказавший определенного мнения; после них выступил проф. Грубе, выяснивший совершенно определенно бесцельность надрезов и дренажей, опасность рожи и непозволительность производить бесполезную и хотя-бы самую простейшую операцию умирающему монарху: «Никто не может здесь заподозрить нас, хирургов, закончил Грубе, в том, что мы боимся сделать простые надрезы кожи, но что касается меня, то я не только отказываюсь их сделать, но отказываюсь даже присутствовать при этом, если кто-либо за это возьмется».

Цесаревич молчал, Вел. Кн. Владимир Александрович, не выслушав остальных, хотел закончить совещание, но я попросил слова, Наследник дал мне его. Я по-французски в очень определенной форме изложил мое мнение, согласное с мнением Грубе, выяснив, какое удручающее впечатление произведет хирургическое вмешательство на народ, если после этого разовьется рожа и узнают, что Государь погиб не от неизлечимого поражения сердца и почек, а от рожи после операции; разъяснить публике и народу значение операции и невинный ее характер никогда не удастся. Гирш и Попов по обычаю не высказались. Таким образом голоса разделились поровну: Захарьин и Лейден с одной стороны и я – с другой. Нас врачей после этого отпустили. Семья осталась одна, но никакого решения принято, по-видимому, не было. Если я

не ошибаюсь, происходило это 18-го, а 20-го Государь скончался.

В тот же день под вечер я встретил Цесаревича на лестнице во дворце и спросил его, какое-же решение было принято на семейном совете? «Что-же вы спрашиваете, ответил он, вы ведь знаете, что будет так, как вы, Николай Александрович, это решите». Что хотел этим сказать Цесаревич, я не понял, но больше об операции никто не заговаривал.

19-го утром, в то время, как все были в церкви, Государь призвал отца Иоанна и снова исповедовался и причастился. В тот-же день вечером у больного появилось кровохарканье, вследствие инфаркта в легком.

«Сделал-ли Царь это по собственному почину, или нет? Я почти смело могу сказать – что нет», – пишет В. К. Николай Михайлович; я же не сомневаюсь, что очень ослабевший больной, потерявший уже свою волю, уступил настояниям Вел. Кн. Александры Иосифовны и Королевы Греческой, которые достигли этого через Императрицу, вероятно, глубоко веруя, что молитвы отца Иоанна могут привести к чуду. Говорили, что на этот раз отец Иоанн произвел на Государя очень хорошее впечатление, но я не сомневаюсь, что бедный больной, исстрадавшийся и совершенно ослабевший, просто легко поддался внушению этого бесспорно умного и хитрого человека, обладавшего большим даром внушения не только больным, но и многим здоровым, но слабовольным и не стойким лицам; ему-же, отцу Иоанну, его приближение к любими-

тому народом Царю, в последние дни Его жизни, принесло неисчислимую пользу, до крайних пределов увеличив его популярность в народе.

19-го утром, Государь, несмотря на сильнейшую слабость, еще встал, оделся и сам перешел в кабинет, к своему письменному столу, где, если не ошибаюсь, в последний раз подписал приказ по военному ведомству, но здесь у Него сделался обморок. Этот случай показывает, какой сильной воли человек был Государь Александр III, даже в таком тяжелом состоянии, в каком Он находился за сутки до смерти, и насколько Он считал своей обязанностью исполнять свой долг, пока у Него были малейшие силы.

ХII. Последние минуты

11

19 октября Государь провел день в Своей уборной комнате, сидя в креслах и очень страдал от одышки, усилившейся вследствие присоединившегося воспаления легкого при нарастающей слабости сердца. В 9 часов вечера Его перевезли на кресле в спальню. Будучи позван к больному, я предложил свою помощь при переходе в постель, но Государь отпустил меня, сказав, что Он меня позовет. Однако, когда меня позвали в 10 часов, я нашел Его уже в кровати очень уставшим. По обыкновению я сделал легкий «массаж» ног, т. е. в сущности самое легкое поглаживание, что он очень любил, напудрил болевшую и зудевшую от напряжения кожу, наложил бинты и ушел в кабинет Императрицы, предвидя, что ночь будет тяжелая, а Государь будет стесняться посылать за мной. Около двенадцати часов меня снова позвали – Государь очень тяжело дышал и жаловался, что Он лежать больше не может, что это невыносимая мука. На мои увещания лучше остаться в кровати, Государь попросил Его переложить и устроить Ему полусидячее положение, что мы с камердинером и исполнили. При этом присутствовала Императрица, уже переодевшаяся к ночи. Однако перемена поло-

¹¹ Эти строки составлены по заметке, записанной мною в тот-же день, т. е. 20 октября 1894 года.

жения мало облегчила больного, Он, видимо, очень страдал от одышки. Не зная, как Ему помочь, я предложил послать за Лейденом. Последний скоро явился, и мы просидели с ним до 2-х часов, массируя руки и успокаивая словами. Государь пытался уснуть, но тотчас просыпался, стонал, но не жаловался. При этом Он все время уговаривал Императрицу лечь спать. Около 2-х часов мы ушли, Лейден пошел спать в мою комнату, где находился и Гирш, а я прилег в кабинете Императрицы, но в три часа меня опять позвал Государь. Императрица спала или по крайней мере делала вид, что спит. Я просидел с больным до 4½ утра, что-то Ему рассказывая. Он нервно курил, бросал недокуренные папиросы и закуривая новые, постоянно спрашивал который час, – видимо Он не мог дождаться утра и света. Между прочим, несмотря на свои страдания, Он все беспокоился, что Он курит, а я нет, предлагал мне курить, а на мой отказ курить в спальне Государыни посылал меня в другую комнату покурить: «Мне так неловко, что я все курю, а вы не курите так долго, пойдите покурить», – говорил Он. «Мне так совестно, – сказал он в другой раз, – что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил». В 4½ встала Императрица и мы до 5 часов просидели с Нею у кровати, занимая больного разговорами. Государь стал энергично требовать, чтобы Его пересадили в кресло. Чтобы Его отвлечь от этой мысли, я в 5 часов приказал подать утренний кофе. Государь этому обрадовался и пил кофе с Государыней. В 6 часов пришел Лейден и мы с

большим трудом пересадили больного в Его кресло и выка-
тали на середину комнаты.

В 8 часов пришел Цесаревич, а Государыня ушла одевать-
ся. Мы остались втроем. Вдруг Государю стало очень нехо-
рошо, и Он приказал сыну позвать Государыню. «Зачем?» –
спросил Цесаревич. «Да так, будет лучше». Одышка все уси-
ливалась, пульс стал резко слабеть. Пришла Государыня, а
я вышел и послал за гр. Воронцовым. Последний пришел и
вошел без доклада в спальню. Государь, не видевший гра-
фа уже около 3-х недель, нисколько не удивился его при-
ходу, а, напротив, как будто обрадовался. Вскоре пришел и
Вел. Кн. Владимир Александрович, Государь тоже этому не
удивился, обнял и поцеловал его; вслед за Великим Князем
в комнату вошла сестра Государя Вел. Кн. Мария Алексан-
дровна герцогиня Эдинбургская, только что приехавшая из-
за границы. Государь даже не спросил ее, когда она прие-
хала, а только ласково поздоровался с ней. Постепенно ста-
ли приходиться все члены Императорской Фамилии. Со все-
ми входившими Государь здоровался, но не выражал ника-
кого удивления тому, что так рано, без его разрешения, по-
степенно собралась вся Семья, и я понял, что Он сознает
близость своей кончины и в сущности со всеми прощается.
Самообладание Его было так велико, что Он даже поздравил
Вел. Кн. Елизавету Федоровну с днем ее рождения. Прихо-
дившие члены Семьи, поздоровавшись, уходили затем в со-
седнюю комнату. При Государе оставались только Импера-

трица, все дети, принцесса Алиса, Лейден и я. В 11½ часов пришел отец Янышев. Государь пожелал причаститься. Двери в другую комнату открылись, вошла вся Семья и Министр двора, все стали на колени, и умирающий Царь внятно, на вид совершенно спокойно стал читать молитву перед причастием «верую Господи и исповедую...»

После причастия Государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том-же кресле среди своих самых близких членов Семьи, т. е. Государыни, детей и невестки; кроме того, здесь были Лейден и я. Говорили, что еще утром Государь выразил желание видеть отца Иоанна, который после обедни около 12 часов и прибыл. Государь встретил его очень ласково и, несомненно, был очень доволен его появлением. О. Иоанн совершил молитву и помазал некоторые части тела святым елеем. После этого Государь его отпустил. Уходя отец Иоанн громко сказал не без рисовки: «прости (т. е. прощай), Царь».

Государь, видимо, страдал от неприятного чувства в сильно опухших ногах, для которых трудно было выбрать удобное положение; ввиду того, что больной довольно громко стонал, я предложил Ему слегка помассировать ноги, зная, что это Ему иногда давало облегчение. Все вышли из комнаты и мы остались вдвоем. В то время, что я массировал, Государь сказал мне: «Видно профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной». Из этого, как и из целого ряда других

фактов, следовало заключить, что Государь вполне ясно сознавал приближение смерти, но оставался поразительно покойным и за все время не проронил ни одного слова о том, что отлично понимал приближение конца. Однако был такой момент, когда Он пожелал остаться наедине с Наследником, все вышли на несколько минут; я не сомневаюсь, что Он что-то говорил Своему Наследнику, но, что именно, я, конечно, не знаю, может быть этого никогда не узнал и никто другой.

После массажа больной почувствовал облегчение, и даже несколько поднялся пульс, Лейден полагал, что такое состояние может протянуться и до вечера, поэтому я вышел на несколько минут и спустился к себе в комнату, чтобы что-нибудь перекусить, так как с вечера ничего не ел и не пил, но очень скоро кто-то прибежал ко мне и сказал, что, кажется, Государь кончается, я побежал наверх. Когда я вошел в комнату, я увидел, что Государь сидел в том-же положении, только голова, которую обнимала стоявшая на коленях Государыня, склонилась набок и прислонилась к голове Императрицы; больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно; все члены Семьи стояли вокруг на коленях; отец Янышев читал отходную. Лейден взял пульс и показал мне головой, что пульса нет, прекратилось и дыхание, – Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. Картина был из тех, которые никогда не забываются теми, кто их видел. Теперь уже прошло более сорока лет,

что я врач, видел я много смертей – людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой, чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что Император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает.

Все встали и стали подходить к покойнику, чтобы проститься по православному обычаю, но Царица осталась в том-же положении около часа, не двинув ни одним мускулом. По очереди подходили прощаться все члены Семьи, свита и ближайшая прислуга. Императрица не двигалась. Я чувствовал себя настолько утомленным после прошедших 17 дней и особенно после этой последней ночи, что едва стоял на ногах, мои нервы больше не выдержали, я пошел к себе и прилег. Когда я вернулся, меня кто-то позвал в уборную комнату Императрицы – там я увидел Государыню, лежавшую на кушетке в глубоком обмороке, окруженную всеми Великими Княгинями; мне сказали, что когда прощанье кончилось, Она все продолжала стоять в той-же позе, обнимая голову своего мужа; окружающие заметили, что Она без сознания, Ее подняли и на руках отнесли на кушетку. Я

подошел и взялся за пульс, который почти не прощупывался; через несколько минут Она открыла глаза, увидела меня и, протянув мне руку, сказала одно слово – «merci». Лучше, проще и искреннее поблагодарить врача, отдавшего себя целиком дорогому Ей больному, было невозможно! В этом первом слове после смерти мужа, после обморока, сказался весь характер, вся любвеобильная душа женщины-Царицы. Выходя, я встретил на лестнице молодого Государя – он сказал мне только – «Поручаю вам матушку». Вот почему никогда не будучи официально назначенным состоять при Императрице, я всегда считался состоящим при Ее Особе до последней минуты, когда я с Ней простился в Ставке уже после отречения Государя 8 марта 1917 г. в тот день, когда Она уехала из Могилева обратно в Киев.

Через несколько дней вызванными профессорами Московского и Харьковского университетов (Клейн, Зернов и друг.) было приступлено к бальзамированию тела покойного Государя и при этом произведено паталого-анатомическое вскрытие. При этом, как я уже сказал, была найдена очень значительная гипертрофия сердца и жировое перерождение его при хроническом интерстициальном воспалении почек. Из лечивших врачей, подписавших прижизненный диагноз, присутствовал при вскрытии я один и могу сказать, что о столь грозном увеличении сердца врачи бесспорно не знали, а между тем в этом и крылась главнейшая причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны.

Повторяю и подчеркиваю, что неточность распознавания не принесла больному ни малейшего вреда, ибо бороться с такими изменениями в сердце мы не имеем средств, но что диагноз был не точен – это факт бесспорный. Одно можно сказать, что найденное поражение сердца было очень давнего происхождения и что, если-бы оно было распознано своевременно, то следовало-бы настоять на коренном изменении режима, при котором Государь жил уже годами, и в таком случае, может быть, печальный конец мог бы быть отсрочен на некоторое время. Но в защиту Гирша, как постоянного врача Государя, надо сказать, что до заболевания инфлюенцей зимой 1894 г. Государь не допускал никакого исследования себя, ошибка-же Захарьина и Лейдена смягчалась тем, что они тоже никогда не имели возможности исследовать больного достаточно тщательно и поэтому *просмотрели* это громадное увеличение сердца.

Отмечу еще, что я, конечно, с особым интересом наблюдал в Ливадии за Наследником и той ролью, которую он тогда играл в Семье. Должен сказать, что меня тогда уже удивляла его молодость, несоответствующая его возрасту. Может быть, гр. Воронцов не был неправ, когда он сказал мне, что Наследник, которому тогда было 26 лет, на самом деле – мальчик 14 лет; если это было и преувеличено, то не на много.

Меня удивляло, что Наследник, за все пребывание мое в Ливадии, зная мою близость к больному отцу его, ни разу

даже не попытался узнать у меня истинное положение дела. Он, казалось, не сознавал близкого конца отца и предстоящего ему в ближайшем времени восшествия на престол, что должно было не мало его тревожить. Я настолько беспокоился об этом, что через кого-то посоветовал Цесаревичу вызвать к себе Лейдена и наедине переговорить с ним. Наследник это сделал, но, по словам Лейдена, сказанным мне, я получил впечатление, что сделал он это только pro forma.

В общем у меня создалось впечатление, что Наследник совершенно не оценивал всего значения для России и для него самого происходившего в Ливадии. Мне казалось, что все время он, для будущего Самодержца, держал себя слишком пассивно, ни в чем не проявляя своей личности, и, не скрою, это пугало меня за наше будущее.

Некоторым подтверждением справедливости моих сомнений послужило мне следующее обстоятельство: на другое утро после смерти Государя, я еще взволнованный выходил из дворца и на подъезде встретил молодого Царя, о чем-то разговаривавшего с графом Воронцовым. Здороваясь, я спросил молодого Государя, как он провел ночь, и добавил: «представляю себе, какие тяжелые минуты вы должны были пережить за эти последние сутки». Молодой Государь, казавшийся на вид совершенно покойным, ответил мне: «Мы с графом так воспитаны, что ни в какие, даже самые тяжелые минуты, не волнуемся и не теряем присутствия духа». Не скрою, что эта фраза меня очень удивила и я потом не раз

вспоминал ее. Странно было слышать эти слова от молодого человека, только что потерявшего любимого всеми отца и менее суток тому назад принявшего на себя всю тяжесть ответственности, падавшей на Самодержавного Царя России, да еще сказанные человеку, близко стоявшему к отцу и имевшему возможность хорошо оценить только что произошедший исторический момент... Сказать это мог только ребенок, не сознающий свое положение и не переживший всей остроты момента, или человек до болезненности самоуверенный, не ясно сознающий то, что он говорит. Я ушел и долго думал об этих словах молодого Царя, сильно меня смутивших в отношении того, что нас ожидало в будущем царствовании... Теперь я вполне понял эти слова, как чрезвычайно характерные для личности Государя Николая II.

Что касается отца Иоанна, то Ливадия дала мне тоже достаточно материала для наблюдений над этим бесспорно недюжинным священником. Думаю, что это был человек по-своему верующий, но прежде всего большой в жизни актер, удивительно умевший приводить толпу и отдельных более слабых характером лиц в религиозный экстаз и пользоваться для этого обстановкой и сложившимися условиями. Интересно, что отец Иоанн больше всего влиял на женщин и на малокультурную толпу; через женщин он обычно и действовал; влиять на людей он стремился в первый момент встречи с ними, главным образом, своим пронизывающим всего человека взглядом – кого этот взгляд смущал, тот вполне под-

падал под его влияние, тех, кто выдерживал этот взгляд спокойно и сухо, отец Иоанн не любил и ими больше не интересовался. На толпу и на больных он действовал истеричностью тона в своих молитвах. Я видел отца Иоанна в Ливадии среди придворных и у смертного одра Государя – это был человек, не производивший лично на меня почти никакого впечатления, но бесспорно сильно влиявший на слабые натуры и на тяжело больных. Потом, через несколько лет, я видел его на консультации больным в Кронштадте, и это был самый обычный, дряхлый старик, сильно желавший еще жить, избавиться от своей болезни, и нисколько не стремившийся произвести какое-либо впечатление на окружающих. Вот почему я позволил себе сказать, что он прежде всего был большой актер...

В заключение, я позволю себе резюмировать мои воспоминания о личности Императора Александра III. Прежде всего я смею утверждать, что создавшееся у большинства представление о личности этого монарха очень далеко от истины. Я желал бы по возможности мотивировать выше высказанное мною мнение, что царствование Александра III и его личность, с точки зрения истории, требуют именно теперь, после царствования Николая II и революции, серьезной переоценки. Я сказал, что Государь этот был популярен среди народа, но что интеллигенция Его мало знала или представляла Его себе в ложном освещении – русский народ в сущности тоже мало Его знал, но он Его «чувял», как насто-

ящего русского человека, близкого «народному духу».

Русская-же интеллигенция (разумея под этим свободомыслящую часть ее) не только Ею не знала, но и не понимала, потому что прежде всего она сама была не русская, не знала и не понимала именно все русское и на все в России смотрела, смотрит и теперь, сквозь очки западно-европейской культуры и истории, на которых она, главным образом, была воспитана; русская интеллигенция до тонкости знала все перипетии французской революции, но плохо разбиралась в проявлениях русской жизни, в нравах и мировоззрении своего родного русского народа, поэтому-то для нее многое в русской революции оказалось сюрпризом и влиять на успокоение взбаламученного народного моря она оказалась неспособной.

Александра III привыкли представлять себе, как тип самодержца, деспота, грубого в своей силе, прежде всего очень строгого, сурового, грозного, даже жестокого, принципиального консерватора и ретрограда, очень склонного к реакции, поклонника власти только ради власти. Любят говорить, что все царствование Александра Третьего символизировано в памятнике Трубецкого – колосс, осадивший одним тугим потягиванием повода другого колосса, крупную лошадь, т. е. Россию, ее движение вперед... Но, так-ли это... Сколько я понимал Александра III, основными чертами Его характера были: редкая принципиальность, – отсюда и властность ех principio, – честность в широчайшем смысле этого понятия

и глубокая убежденность в обязанности монарха-самодержца свято исполнять свой долг, – все это при большой, чисто русской, но разумной доброте и почти детской душевной чистоте. Думаю, что обстановка Его смерти красноречиво доказывает эту душевную чистоту, так люди жестокие и деспоты не умирают, так умирают только дети и чистые люди.

Государь был человек глубоко верующий, в самом строгом смысле православный; Он верил искренно, что Он помазанник Божий, верил в Провидение, верил, что Всемогущий незримо направляет Его действия и помыслы, и, следовательно, по-своему, допускал известную интуицию, исходящую от Бога, но, – как я себе представляю, – держался, как девиза, русской пословицы: «на Бога надейся, а сам не плошай».

Он глубоко, до самозабвения, любил Россию, верил в ее большое будущее и считал своим святым долгом служить ей всеми своими силами. Он не обладал выдающимися умственными способностями, но бесспорно не был лишен большого природного «здорового смысла» и известной житейской мудрости. Он не был серьезно образован и, как известно, не был подготовлен к царствованию, но полагал, что, при помощи Божией, честность и добросовестность в исполнении своего долга могут отчасти заменить недочеты в способностях и образовании.

По своему положению Он знал отрицательные свойства человечества, мало доверял людям, но желал им верить, не

искал в людях только худое, а старался увидеть в них и хорошее, и вообще был человек благожелательный, уважавший в людях прежде всего скромность, правдивость и любовь к труду.

Он презирал и ненавидел «позу», все кажущееся и все ненастоящее, шумливость, умственный фейерверк, всякий ложный и искусственный блеск, игру в популярность – вероятно поэтому Он так сильно не любил своего соседа, императора Вильгельма, к которому относился не без чувства презрения, как к коронованному фокуснику. Он не допускал легкомысленного отношения к делу, и сам, обдумав известный вопрос, – что при Его способностях и характере требовало времени, а иногда и больших усилий, – приходил к известному заключению и решению, и тогда бесповоротно приводил свое решение в исполнение.

Как монарх, Он глубоко почитал власть, но никогда в ней не «купался». Я думаю, что, при Его природной доброте, власть не давала Ему радости, а часто сильно тяготила Его, но Он принципиально считал, что для управления таким колоссом, как Россия, и таким мало принципиальным народом, как русский, сильная власть нужна, и Он убежденно пользовался ею. Однако Он не допускал во власти «каприза» и взбалмошности, а проявлял власть только после зрелого размышления, размышляя так, как позволяли Его способности и принципы. Проявлял Он власть спокойно и убежденно, без колебаний, вполне сознавая, что ничто так не развращает

массы, как колебание в проявлении власти, потому что при этом трудно отличить власть от своеволия и даже жестокости, а иногда – и от безвластия; всякие сомнения масс в правах на власть и неясное представление себе цели, на которую она направлена, только волнуют массы, но не успокаивают и не подчиняют их. Не знаю, хорошо ли знал Александр III русский народ, понимал ли Он, что русский народ еще не создал себе политических убеждений, что он в сущности не религиозен, а живет только фетишизмом, но Он несомненно понимал, что русский народ любит власть, что она ему нужна, как хлеб, что он переносит ее тем лучше, чем она тверже, хотя бы она и не приносила ему прямо и непосредственно очевидной пользы.

Государь глубоко верил в значение власти в России. Один придворный рассказывал мне, что как-то сам слышал одну характерную фразу Александра III: когда в Петергоф впервые прибыли офицеры с пришедшей в Кронштадт французской эскадры, в Монплезире, где Государь принимал гостей, заиграли марсельезу; один из приближенных в разговоре сказал Государю: «Мне не нравится эта марсельеза здесь, это не безопасно»; Государь громко ответил: «Напрасно, для России это не опасно; то, что опасно везде, в России безопасно». Когда катера с французскими офицерами приблизились к пристани, то французы, сняв шляпы, вероятно, под влиянием русской атмосферы, с энтузиазмом закричали под звуки марсельезы: «Vive l'empereur!» «Вы слышите?» – спро-

сил Государь лицо, сделавшее вышеупомянутое замечание. Думаю, что Государь, говоря это представлял себе Россию такой, какой она была при Нем, в Его крепких руках, и не мог допустить мысли, что Его сын сумеет в 10–20 лет упустить из рук ту власть, которая делала марсельезу безопасной в России, где даже республиканцы заражались монархизмом и кричали «Vive l'empereur!» под звуки революционного гимна. Это был эксперимент, безопасный в руках Александра III, но убийственный для России в руках Николая II, Куропаткина, Сухомлинова и т. п. Александр III относился к русскому народу, как отец к детям, – Он допускал огонь в детских руках, когда, по Его мнению, этого требовали соображения высшего порядка, но только потому, что Он располагал властью взять этот огонь из детских рук, когда найдет его опасным в этих руках.

Кстати сказать, Александр III оказался плохим педагогом, ибо не сумел воспитать своих сыновей, но, в Его оправдание, я должен заметить, что для этого было два смягчающих обстоятельства: во 1-х, Он не ожидал столь ранней смерти и, будучи по натуре *cunctator*'ом¹², Он, видимо, думал, что успеет подготовить себе преемника, тем более, что наследник был всегда моложе своего возраста; во 2-х, Он страдал тем недостатком, которым так часто страдают сильные люди, владеющие массами и не умеющие воспитывать своих собственных детей, запугивая их с одной стороны своей силой

¹² медлительный (*лат.*)

и напускной строгостью, и, с другой стороны, балуя их своей природной добротой, которой они принципиально не расточают в своем официальном положении и целиком изливают на свою семью и своих близких. Грозный и суровый Николай Павлович воспитал гуманного, мягкого Александра Второго, а принципиальный и сильный Александр Третий дал России бесхарактерного и безвольного Николая II.

Мне никогда не приходилось слышать от Государя Его взгляды на самодержавие, как на таковое, но я слышал от близких Ему людей, что Он мечтал о широко конституционном образе правления для России в будущем, но был действительно глубоко убежден, что Россия к такому образу управления не подготовлена и пока на таковое не способна. Теперь спрашивается, был ли Он так неправ?!

Оценивая государственную деятельность Императора Александра Третьего, прежде всего не надо забывать, что Он унаследовал Россию в тяжелую минуту, в период смут, приведших к цареубийству, и что Он всего процарствовал 13 лет, т. е. срок очень короткий в жизни государства.

Конечно, в этом кратком очерке не место разбирать царствование Александра III, но я хотел-бы напомнить лишь два факта, значение которых получает особую ценность именно в настоящее время.

Прежде всего я подчеркнул-бы внешнюю политику этого монарха. Что бы ни говорили, но одно несомненно, что Александр III своей волей и внутренней силой в течение 13

лет спасал Россию и всю Европу от мировой войны, а насколько велика была эта заслуга мы можем судить именно теперь; спасал Россию и всю Европу Он не только от европейской войны, но Он за все свое царствование не пожертвовал жизнью ни одного русского солдата, и не даром русский народ прозвал его царем-миротворцем. Этим самым Он спасал свою страну от распада и от внутренних междоусобиц, о значении чего мы тоже можем судить именно теперь. Каковы-бы ни были Его дипломатические таланты, Он сумел заставить весь мир уважать Россию и очень считаться с ней; только Он мог громко и смело провозгласить на весь мир свой знаменитый тост, успокоивший на много лет всякие воинственные помыслы Европы: «Пью за здоровье моего единственного друга, князя Черногорского». Говорили, что европейские дипломаты Его не понимали, – может быть, но они боялись Его и России... Его политика, его молчание и спокойствие, Его уверенность в мощи России, его убежденность в необходимости мира были достаточны, чтобы уравновесить международные отношения во всей Европе, чтобы на 33 года, т. е. на одну треть столетия (1881–1914) дать Европе спокойствие и предотвратить небывалое в истории кровопролитие... Думаю, что эта заслуга искупает всякие другие ошибки Его, если таковые и были сделаны Им в сфере внутренней политики...

Другой знаменательный факт из этого царствования, тоже имеющий мировое значение, это исполнение грандиозного

проекта – соединение Европы с берегами Тихого океана железнодорожным путем и одушевление богатейшей Сибири, представлявшей до того большой «географический труп»... Всецело оценить эту заслугу не настало еще время, но несомненно, что оно скоро придет...

Итак, считать царствование Александра III бесцветным или даже видеть в нем только отрицательные стороны, к чему у нас многие были так склонны, по меньшей мере несправедливо и недальновидно. Мне думается, на основании всего вышеприведенного, что царствование это и личность Императора Александра III заслуживают серьезного, беспристрастного и всестороннего изучения, а не только одной односторонней критики.

С риском повторяться, я скажу еще раз: силу Императора Александра III, так интенсивно повлиявшую на мировую историю, составляли основные черты Его характера – Его честность, убежденность, справедливость и то, что Его девизом было всегда и во всем «быть, а не казаться» – принцип, которому так поклонялся наш русский философ Н. И. Пирогов, принцип, который дает несокрушимую силу всякому человеку, а тем более монарху.